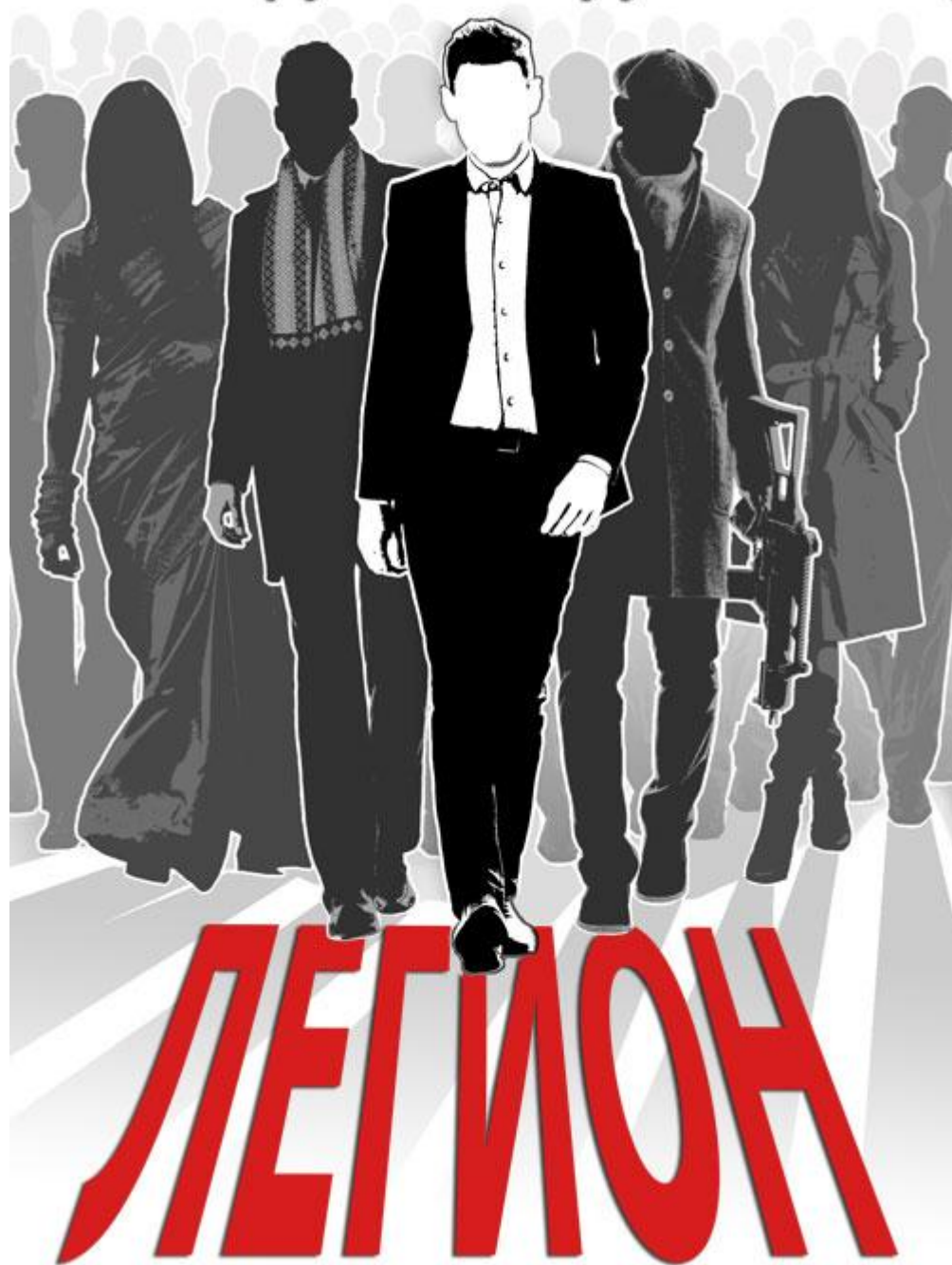

БРЕНДОН САНДЕРСОН

BOOKTRAV

Стивен Лидс по прозвищу Легион – необычный человек и очень многогранная личность. Благодаря своим психическим особенностям он является экспертом во многих областях знаний. Именно поэтому его иногда привлекают к решению самых замысловатых задач в разных сферах деятельности. И вместе со своими необычными помощниками Стивен решает эти задачи, иногда весьма своеобразными способами...

Информация о переводчиках

Перевод: Yalkau, Svelte
Редактура и вычитка: Rediens, Schwammkopf, Plevasik
Booktran, 2012–2013 гг.

Дополнительная вычитка: paloozer, Anahitta
Литературное редактирование: Inoplanetjanec
Booktran, 2015 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе:
www.vk.com/b.sanderson.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Брендон Сандерсон

«Легион»

Меня зовут Стивен Лидс, и я полностью в своем уме. А вот все мои галлюцинации какие-то чокнутые.

Из комнаты Джей Си грохотом фейерверков раздавались выстрелы. Ругаясь себе под нос, я нацепил висевшие на его двери наушники, которые уже привык там держать, и заглянул внутрь. Джей Си, тоже в наушниках, держал пистолет двумя руками и целился в висевший на стене портрет Усамы бен Ладена¹.

Играл Бетховен. Очень громко.

¹ Усама бен Ладен (10.03.1957 – 2.05.2011) – основатель и бывший лидер международной исламистской террористической организации «Аль-Каида», взявшей на себя ответственность за ряд крупномасштабных терактов в различных частях мира, таких как взрывы посольств США в Африке и теракты 11.09.2001. (Здесь и далее примечания редактора.)

– Вообще-то я разговаривал! – крикнул я.

Он меня не услышал. Густо утыкивая стену дырами, он разряжал обойму в лицо бен Ладена. Подойти ближе я не осмелился: если застать его врасплох, можно ненароком и пулю схлопотать.

Интересно, что случится, если меня подстрелит одна из собственных галлюцинаций. Как это истолкует мой мозг? Безусловно, найдется дюжина психологов, готовых пофилософствовать на эту тему. Но я не был намерен давать им повода.

– Джей Си! – крикнул я, когда он сделал паузу, чтобы перезарядить обойму.

Заметив меня, он ухмыльнулся, снимая наушники. У Джей Си довольно устрашающая ухмылка, но я уже давно перестал ее бояться.

– А, дохляк, – сказал он, поднимая пистолет. – Разрядишь обойму-другую? Тебе не помешало бы потренироваться.

Я отобрал у него пистолет.

– В особняке специально для этого есть тир, Джей Си, иди и стреляй там.

– Обычно террористы не нападают на меня в тире. Ну, разве что в тот единственный раз. Чисто случайно.

Я вздохнул, взял со столика пульт и выключил музыку. Джей Си потянулся к пистолету в моих руках, направил его ствол вверх и снял мой палец со спускового крючка.

– Безопасность превыше всего, пацан.

– Все равно это воображаемый пистолет, – сказал я, возвращая ему оружие.

– Ага, расскажи мне.

Джей Си не верит, что он галлюцинация. Это необычно. Большинство из них в той или иной мере это принимают. Только не Джей Си. Крупный, но не грузный, с квадратным, но не слишком, лицом и, как он утверждал, глазами убийцы. Ну, возможно, они у него и были, где-нибудь в кармане.

Джей Си защелкнул новую обойму и снова прицелился в портрет бен Ладена.

– Не надо, – предупредил я.

– Но...

– Все равно он уже мертв. Его убили лет сто назад.

– Это версия для общественности, дохляк, – Джей Си убрал пистолет в кобуру. – Я бы тебе рассказал, да доступа у тебя нет.

– Стивен? – донесся голос из дверей.

Я обернулся. Тобиас – еще одна галлюцинация, или аспект, как я их иногда называю. Худощавый и темнокожий, на сморщенных щеках темные веснушки. Седеющие волосы очень коротко пострижены, одет в свободный неофициальный деловой костюм без галстука.

– Мне просто интересно, – спросил Тобиас, – сколько еще ты планируешь заставлять ждать того бедного человека?

– Пока он не уйдет, – ответил я, выходя к нему в коридор.

– Он был очень вежлив, Стивен, – сказал Тобиас.

Когда мы двинулись от комнаты Джей Си, позади нас снова загремели выстрелы. Я застонал.

– Пойду поговорю с ним, – сказал Тобиас примирительным тоном. – Он просто старается поддерживать форму. Хочет быть тебе полезным.

– Хорошо, сходи.

Оставив Тобиаса, я свернул в другой коридор нашего обширного особняка. У меня было сорок семь комнат, почти все заняты. В конце коридора я зашел в маленькую комнату, украшенную персидским ковром и деревянными панелями, и плюхнулся на черный кожаный диван в центре.

Айви сидела на стуле около дивана.

– Ты уверен, что это тебе не помешает? – спросила она через грохот выстрелов.

– Тобиас поговорит с ним.

– Понятно, – сказала Айви, делая пометку в своем блокноте. На ней был темный деловой костюм – пиджак и брюки, белокурые волосы собраны в пучок. Лет ей было в районе сорока, она одна из самых давних моих аспектов.

– Что ты чувствуешь, осознавая, что твои проекции перестают тебе подчиняться? – спросила она.

– Большинство подчиняется, – ответил я, защищаясь. – Джей Си никогда не обращал внимания на мои слова. Здесь ничего не изменилось.

– То есть ты отрицаешь, что твое состояние ухудшается?

Я ничего не ответил.

Она сделала пометку.

– Ты отказал очередному просителю, не так ли? – уточнила Айви. – Они же приходят к тебе за помощью.

– Я занят.

– Чем это? Слушаешь пальбу? Становишься безумнее?

– Я не становлюсь безумнее, – возразил я. – Я стабилизировался. Я практически нормальный. Даже мой невымышленный психиатр подтверждает это.

Айви промолчала. Выстрелы вдалеке наконец прекратились, и, прижав пальцы к вискам, я облегченно вздохнул.

– Вообще-то, официальное определение безумия, – сказал я, – довольно расплывчато. У двух людей может быть одно и то же расстройство в абсолютно одинаковой степени, но один формально будет считаться вменяемым, в то время как другого признают безумным. Ты пересекаешь черту безумия в тот момент, когда состояние твоего рассудка больше не позволяет тебе функционировать и вести нормальную жизнь. По этим стандартам я ничуть не безумен.

– Ты называешь это нормальной жизнью? – спросила она.

– Вроде неплохо получается.

Я отвернулся. И Айви, как обычно, сунула свой блокнот в урну.

Спустя пару секунд вошел Тобиас:

– Проситель все еще там, Стивен.

– Что?! – сердито воскликнула Айви, уперев в меня испепеляющий взгляд. – Ты заставляешь бедного человека ждать? Прошло четыре часа!

– Ну ладно, ладно, так и быть! – поднялся я с дивана. – Сейчас его отошлю.

Выйдя из комнаты, я спустился по лестнице на первый этаж, к главному входу.

Уилсон, мой дворецкий – реальный человек, не галлюцинация – стоял у закрытой двери в гостиную. Он посмотрел на меня поверх своих бифокальных очков.

– И ты туда же? – спросил я.

– Четыре часа, господин!?

– Мне нужно было восстановить над собой контроль, Уилсон.

– Ваша любимая отговорка, господин Лидс. В такие моменты невольно задумаешься, может быть это все-таки обычная лень, нежели восстановление контроля.

– Тебе платят не за то, чтобы ты задумывался, – ответил я.

Он приподнял бровь, и мне стало стыдно. Уилсон не заслуживал хамства; он был превосходным слугой и великолепным человеком. Нелегко найти прислугу, готовую мириться с моими... особенностями.

– Извини, – смутился я. – В последнее время я чувствую себя немного вымотанным.

– Я принесу вам лимонад, господин Лидс, – сказал он. – Для...

– Для нас троих, – сказал я, кивая на Тобиаса и Айви, которых, конечно же, Уилсон видеть не мог. – И просителю.

– Мне безо льда, пожалуйста, – сказал Тобиас.

– А мне стакан воды, – добавила Айви.

– Тобиасу безо льда, – сказал я, рассеяно открывая дверь. – Айви – воды.

Уилсон кивнул и удалился выполнять распоряжение. Он был хорошим дворецким. Без него я бы, наверное, сошел с ума.

В гостиной меня ждал молодой человек в рубашке-поло и брюках.

– Господин Легион? – вскочил он со стула.

Я поморщился от этого прозвища. Его придумал один особенно одаренный психолог. Одаренный по части драматургии, если точнее. В психологии – куда меньше.

– Зовите меня Стивен, – произнес я, придерживая дверь для Айви и Тобиаса. – Чем мы можем вам помочь?

– Мы? – спросил юноша.

– Образное выражение, – ответил я, проходя в комнату и садясь в одно из кресел напротив молодого человека.

– Я... эм... Я слышал, вы помогаете людям, когда больше никто не берется, – парень сглотнул. – Я принес две тысячи. Налом.

Он бросил на стол конверт с моим именем и адресом.

– Это покрывает лишь услуги консультации, – сказал я, открыв конверт и быстро пересчитав купюры.

При этом поймал на себе выразительный взгляд Тобиаса. Он ненавидит, когда я деру с людей деньги. Но, работая бесплатно, на особняк с достаточным количеством комнат для всех твоих галлюцинаций не соберешь. К тому же, судя по одежде, пареньек может себе это позволить.

– В чем ваша проблема? – спросил я.

– Моя невеста, – ответил молодой человек, доставая что-то из кармана. – Она мне изменяла.

– Сочувствую, – сказал я. – Но мы не частные детективы. Мы не занимаемся слезкой.

Айви, так и не присев, пересекла комнату и, внимательно изучая молодого человека, обошла вокруг его стула.

– Я знаю, – быстро ответил парень. – Я просто... ну, понимаете, она пропала.

Любитель интересных задачек Тобиас оживился.

– Он что-то не договаривает, – сказала Айви, скрестив руки и постукивая пальцем себе по плечу.

– Это точно? – спросил я.

– О, да, – откликнулся паренек, решив, что я обращаюсь к нему. – Она исчезла, но оставила вот эту записку.

Он развернул бумагу и разложил на столе:

– И самое странное, мне кажется, это какой-то шифр. Посмотрите на эти слова. Они не имеют смысла.

Я поднял бумажку, изучая указанные им записи. Они были небрежно нацарапаны на обороте листа, который позже послужил для прощального письма невесты. Я показал его Тобиасу.

– Это Платон, – сказал он, указывая на записи на обороте. – Это все цитаты из «Федры». О, Платон! Выдающийся человек, знаете ли. Немногие знают, что в определенный период жизни он был рабом. Его продал на невольничьем рынке тиран, несогласный с его взглядами... и с тем, что брат тирана весьма горячо разделял его убеждения. К счастью, Платона купил некто, знакомый с его трудами, поклонник, так сказать, который и освободил его. Иметь любящих фанатов было полезно, даже в Древней Греции...

Тобиас продолжал свой рассказ. У него был глубокий, успокаивающий голос, мне нравилось его слушать. Внимательно изучив записку, я посмотрел на Айви, но она лишь пожала плечами.

Дверь открылась, это Уилсон принес лимонад и воду для Айви. В коридоре я заметил Джей Си с пистолетом в руке. Он заглядывал в комнату и прищурив глаза изучал молодого человека.

– Уилсон, – попросил я, взяв лимонад, – будь добр, пошли за Одри.

– Конечно, господин, – ответил дворецкий. Где-то в глубине души я понимал, что на самом деле он не принес бокалов для Айви и Тобиаса, хотя и сделал вид, что подает что-то пустым креслам. Мой мозг дорисовал остальное: вообразил напитки, вообразил Айви, подошедшую к Уилсону, чтобы подхватить свой бокал, который он пытался всучить туда, где, по его мнению, она сидела. Она нежно ему улыбнулась.

Уилсон ушел.

– Ну? – спросил молодой человек. – Вы можете...

Я поднял палец, и он замолчал. Может, Уилсон и не мог видеть мои проекции, но он знал, кто в какой комнате живет. Оставалось только надеяться, что Одри будет у себя. Она имела привычку гостить у своей сестры в Спрингфилде.

К счастью, спустя пару минут она вошла в комнату. Однако она была в халате.

– Я так понимаю, это важно, – изрекла она, вытирая волосы полотенцем.

Я показал ей записку, затем конверт с деньгами. Одри склонилась над столом. Это была темноволоса, слегка полноватая женщина. Она присоединилась к нам несколько лет назад, когда я работал над делом о фальшивомонетчиках.

Достав лупу, – меня позабавило, что в кармане ее халата имелась лупа, но такова уж Одри – она пару минут что-то бормотала себе под нос, изучая письмо и конверт. Одно из них предположительно было написано невестой, другое – молодым человеком.

Одри кивнула:

– Определенно одна рука.

– Образец не очень-то велик, – промолвил я.

– Не очень что?.. – спросил парень.

– В данном случае этого достаточно, – ответила Одри. – На конверте твое полное имя и адрес. Наклон, расстояние между словами, форма букв... все говорит об одном. Еще у него очень характерная буква «е». Если взять за основу более длинный текст, то совпадение с почерком на конверте, по моему мнению, будет превышать девяносто процентов.

– Спасибо, – сказал я.

– Мне бы не помешала новая собака, – ответила она, уходя.

– Я не собираюсь воображать тебе щеночка, Одри. Нам шума и от Джей Си хватает! Я не хочу, чтобы здесь бегала лающая псина.

– Ой, да ладно тебе, – ответила она, оборачиваясь в дверях. – Я буду кормить ее ненастоящей едой, поить ненастоящей водой и водить на ненастоящие прогулки. Что еще нужно ненастоящей собаке для счастья?

– Иди уже, – произнес я, улыбаясь. Она меня поддразнивала. Приятно иметь аспектов, которые не против быть галлюцинациями. Молодой человек наблюдал за мной с недоуменным видом.

– Можешь прекратить притворяться, – сказал я ему.

– Притворяться?

– Притворяться, что поражен какой я «странный». Попытка была довольно дилетантская. Я так понимаю, ты выпускник?

В его глазах мелькнула паника.

– В следующий раз попроси соседа написать записку, – сказал я, бросая листок ему обратно. – Черт побери, у меня нет времени на это.

Я встал.

– Ты мог бы дать ему интервью, – сказал Тобиас.

– После того как он мне соврал? – огрызнулся я.

– Прошу вас, – произнес юноша, вставая. – Моя подруга...

– До этого ты называл ее невестой, – ответил я, поворачиваясь. – Ты здесь пытаешься всучить мне «дело», а в это время водишь меня за нос, исподтишка делая заметки о моем состоянии. Твоя истинная цель – написать диссертацию или что-то в этом роде.

Он сник. Стоявшая позади него Айви негодуяще качала головой.

– Думаешь, ты такой первый?

Он поморщился:

– Нельзя винить человека за попытку.

– Можно. И я это делаю, – ответил я. – Часто. Уилсон! Зови охрану!

– Не надо, – попросил парень, собирая свои вещи в такой спешке, что крохотный диктофон выскользнул из кармана его рубашки и прогрохотал по столу.

Я поднял бровь, он покраснел, схватил диктофон и бросился вон из комнаты.

Тобиас встал и подошел ко мне, держа руки за спиной.

– Бедный паренек. К тому же, скорее всего ему придется идти домой пешком. Под дождем.

– Там дождь?

– Стэн говорит, скоро намечается, – ответил Тобиас. – Тебе не приходило в голову, что они реже будут вытворять подобное, если ты время от времени будешь соглашаться на интервью?

– Мне надоело быть подопытным кроликом, – сказал я, раздраженно махнув рукой. – Надоело, что меня тыкают и колют. Надоело быть особенным.

– Что? – спросила Айви изумленно. – Ты бы предпочел иметь нудную работу в конторе? И отказался бы от роскошного особняка?

– Я не говорю, что в этом нет своих плюсов, – ответил я, когда в комнату вошел Уилсон, задержавшись в проеме, чтобы видеть, как парнишка выбегает через переднюю дверь. – Будь так добр, Уилсон, убедись, чтобы он точно ушел.

– Конечно, господин.

Он передал мне поднос с дневной корреспонденцией и вышел.

Я взглянул на почту. Уилсон уже убрал счета и рекламные рассылки. Осталось только письмо от моего реального психолога, которое я проигнорировал, и ничем не примечательный белый конверт большого формата.

Я нахмурился, вскрыл конверт и достал содержимое.

В конверте была только одна вещь. Фотография пять на восемь дюймов, черно-белая. Я недоуменно поднял брови. Это был снимок каменистого берега с нависшей над океаном скалой, за которую цеплялась пара невысоких деревьев.

– На обороте ничего, – сообщил я. Тобиас и Айви заглядывали мне через плечо. – И в конверте больше ничего.

– Готова поспорить, это снова от кого-то, кто пытается добиться от тебя интервью. Только у них получается лучше, чем у парнишки.

– Выглядит вполне заурядно, – изрек Джей Си, протискиваясь на место рядом с Айви, которая пихнула его в плечо. – Скалы. Деревья. Скукотища.

– Ну, не знаю... – возразил я. – В этом что-то есть. Тобиас?

Тобиас взял фото. По крайней мере, так я это увидел. На самом деле фотография конечно же оставалась у меня в руках, но я ее даже не ощущал, потому что в моем восприятии ее держал Тобиас. Удивительно, как мозг может играть ощущениями.

Тобиас изучал снимок довольно долго. Джей Си начал щелкать предохранителем пистолета.

– Не ты ли всегда говоришь о безопасности при обращении с оружием? – прошипела на него Айви.

– А я соблюдаю безопасность, – ответил он. – Ствол ни на кого не направлен. К тому же, я железобетонно контролирую каждую мышцу своего тела. Я могу...

– Тихо, – сказал Тобиас и поднес фотографию ближе. – О Боже...

– Пожалуйста, не поминай имя Господа всуе, – отреагировала Айви.

Джей Си фыркнул.

– Стивен, – сказал Тобиас. – Компьютер.

Я сел за рабочий стол в гостиной, Тобиас склонился над моим плечом.

– Ищи Одинокий Кипарис².

Я задал поиск и выбрал просмотр картинок. На экране появились десятки фото одной и той же скалы, но дерево на них было выше. Оно разрослось и выглядело даже каким-то древним.

– О, просто класс, – изрек Джей Си. – Опять деревья. Опять скалы. И опять скуотища.

– Это Одинокий кипарис, Джей Си, – сообщил Тобиас. – Очень знаменитое дерево. Считается, что ему, как минимум, двести пятьдесят лет.

– И?.. – спросила Айви.

Я поднял присланное фото:

– А здесь, ему не более... сколько? Десяти?

– Скорее даже меньше, – ответил Тобиас.

– Так что, если это не подделка, – констатировал я, – снимок сделан во второй половине восемнадцатого века. За десятки лет до изобретения фотоаппарата.

– Слушайте, это же очевидная подделка, – сказала Айви. – Не понимаю, чего вы оба всполошились.

Мы с Тобиасом вышли в коридор. Прошло уже два дня, а этот снимок никак не шел у меня из головы. Я носил его в кармане пиджака.

– Самым рациональным объяснением будет розыгрыш, Стивен, – предположил Тобиас.

– Армандо считает фотографию подлинной, – сказал я.

– Армандо – полный псих, – ответила Айви. Сегодня на ней был серый деловой костюм.

– Да, – сказал я и снова сунул руку в карман.

Подделать фотографию не так уж и сложно. Чего стоит обработать фото в наши дни? Да практически каждый ребенок с фотошопом может реалистично подделать любой снимок.

Армандо проверял ее на каких-то профессиональных программах, искал слои и делал еще какие-то слишком технические для моего понимания вещи, но в итоге признал, что все это бесполезно. Одаренный художник сможет обмануть любые тесты.

Так почему же это фото не давало мне покоя?

– Будто кто-то пытается что-то доказать, – сказал я. – Есть много деревьев постарше, чем этот Одинокий Кипарис, но немногие находятся в столь примечательном месте. Для человека, более или менее знающего историю, сразу очевидно, что сделать такое фото невозможно.

– Еще больше смахивает на розыгрыш, разве нет? – спросила Айви.

– Возможно.

Я развернулся, мои галлюцинации замолчали. Наконец я услышал, как хлопнула передняя дверь, и поспешил вниз по лестнице.

– Господин? – обратился ко мне Уилсон, поднимаясь навстречу.

– Уилсон! Почту принесли?

² Одинокий Кипарис – или Одинокое Дерево – главная живописная достопримечательность 17-мильной дороги – автомобильной прогулочной трассы, большая часть которой проходит по живописному побережью Тихого океана. Это изъеденное солью дерево является официальным символом городка Пebbл-Бич и частой заставкой телевизионных передач из этого района.

Он остановился на лестничной площадке с серебряным подносом в руках. Меган – моя, разумеется реальная, уборщица, – прошмыгнула мимо нас за его спиной. Торопливые шаги, лицо опущено.

– Она скоро уволится, – отметила Айви. – Тебе действительно стоит попробовать казаться менее странным.

– Будешь тут менее странным с вами со всеми, – пробормотал я, просматривая почту. Есть! Очередной конверт, идентичный первому. Я нетерпеливо вскрыл его и достал еще один снимок.

Тоже черно-белый, но менее четкий. На нем мужчина с полотенцем на шее, на фоне старомодного интерьера, стоял около умывальника.

Я повернул фотографию к Тобиасу. Он поднес ее к лицу и, близоруко шурясь, стал рассматривать, отчего в уголках глаз образовались морщинки.

– Ну? – спросила Айви.

– Мужчина на фото, – ответил я, – такое чувство, будто я его знаю.

– Джордж Вашингтон, – сказал Тобиас. – За утренним бритьем, судя по всему. Удивительно, что у него не было брадоброя.

– Он был солдатом, – пояснил я, забирая фото, – и, скорее всего, такие вещи привык делать сам.

Я пробежался пальцами по глянцевой поверхности фотографии. Первый дагерротип, прародитель фотографии, был изобретен в 1830-х. До этого никому не удавалось создать устойчивое изображение подобного типа. Вашингтон умер в 1799.

– Слушайте, ну уж эта-то – очевидно подделка, – сказала Айви. – Фотография Джорджа Вашингтона? Предположим, что некто переместился во времени назад, и единственное, что пришло ему в голову – сделать пикантное фото Джорджа в ванной? Нас водят за нос, Стив.

– Возможно, – признал я.

– Но до чего похож, – заметил Тобиас.

– Если не считать того, что у нас нет ни одного его фото, – парировала Айви. – Так что это ничего не доказывает. Слушайте, ведь достаточно нанять похожего актера, придать ему нужную позу – и хлоп. Снимок даже редактировать не придется.

– Посмотрим, что скажет Армандо, – сказал я, переворачивая фото. На обороте был номер телефона. – Кто-нибудь, сходите сначала за Одри.

– Можете приблизиться к его величеству, – молвил Армандо, стоя у треугольного окна одной из башенок нашего особняка. Он сам затребовал, чтобы ему выделили именно эту комнату.

– Можно я в него выстрелю? – тихо спросил Джей Си. – В какое-нибудь не очень важное место. В ногу, например.

– Его величество все слышит, – изрек Армандо со своим легким испанским акцентом, обращая на нас безразличный взор. – Стивен Лидс. Сдержал ли ты данное мне обещание? Я должен быть восстановлен на моем троне.

– Работаю над этим, Армандо, – ответил я, передавая ему фотографию. – Мы получили еще одну.

Армандо со вздохом взял фото. Он был худым мужчиной с черными зализанными назад волосами.

– Армандо великодушно дает согласие рассмотреть ваше прошение. – И он поднял снимок, изучая его.

– Знаешь, Стив, – сказала Айви, проталкиваясь через комнату, – если в следующий раз соберешься создавать галлюцинации, обрати внимание, чтобы они не были не такими неприятными.

– Тишина, женщина, – промолвил Армандо. – Обдумала ли ты предложение его величества?

– Я не выйду за тебя, Армандо.

– Ты будешь королевой!

– У тебя нет трона. И когда я проверяла в последний раз, в Мексике – президент, а не император.

– Мой народ третируют наркобароны, – изрек Армандо, пристально разглядывая снимок. – Люди голодают и вынуждены сносить иностранный гнет. Это позор. Снимок – настоящий! – И он вернул фото.

– И все? – спросил я. – И никаких компьютерных тестов?

– Разве не я эксперт в фотографии? – спросил Армандо. – Или не вы пришли ко мне со своим жалким прошением? Я сказал свое слово. Он настоящий. Не поддельный. Фотограф, однако, фигляр. Он совершенно не разбирается в тонкостях этого искусства. Эти снимки просто оскорбительны своей вопиющей бездарностью. – И, повернувшись к нам спиной, он снова уставился в окно.

– Ну, теперь-то можно я в него стрельну? – спросил Джей Си.

– Соблазнительное предложение, – ответил я, переворачивая фотографию. Изучив почерк на обороте, Одри не смогла идентифицировать его ни с одним профессором, психологом, или еще кем-то из многочисленной плеяды желающих меня изучать.

Я пожал плечами и достал телефон. Номер был местный. Прозвучал лишь один гудок, прежде чем трубку подняли.

– Алло? – произнес я.

– Могу я нанести вам визит, мистер Лидс? – женский голос с легким южным акцентом.

– Кто вы?

– Та, кто посылает вам головоломки.

– Ну, это я и так понял.

– Могу я зайти?

– Я... ну, думаю, да. Где вы находитесь?

– За вашими воротами.

Вызов отключился. Секунду спустя в главные ворота позвонили.

Я посмотрел на остальных. Джей Си с пистолетом в руке метнулся к окну, осматривая подъездную дорогу. Армандо бросил на него сердитый взгляд.

Мы с Айви вышли из комнаты и направились к лестнице.

– Ты вооружен? – спросил Джей Си, догоняя нас.

– Нормальные люди не разгуливают по собственному дому с пистолетами под мышкой, Джей Си.

– Разгуливают, если жизнь дорога. Сходи за пушкой.

Я поколебался и, вздохнув, крикнул дворецкому:

– Впусти ее, Уилсон! – Сам же направился в свои апартаменты – самые большие комнаты в особняке. Взяв пистолет с прикроватного столика, я засунул

его в кобуру под мышкой и надел пиджак. Чувствовать себя вооруженным и правда было чудесно, однако стрелок из меня никакой.

К тому времени, как я стал спускаться к главному входу, Уилсон уже открыл дверь. Темнокожая женщина лет тридцати с короткими дредами на голове была одета в черную куртку и деловой костюм. Сняв солнечные очки, она кивнула мне.

– В гостиную, Уилсон, – сказал я, спустившись вниз. Он провел ее туда, и я вошел следом, подождав, пока пройдут Джей Си и Айви. Тобиас уже сидел в комнате и читал книгу по истории.

– Лимонад? – спросил Уилсон.

– Нет, спасибо, – ответил я, закрывая дверь и оставляя Уилсона снаружи.

Расхаживая по комнате, женщина рассматривала декор.

– Милое местечко, – произнесла она. – Вы купили все это на деньги людей, просивших вашей помощи?

– Большая часть досталась мне от правительства, – сказал я.

– А говорят, что вы на них не работаете.

– Не работаю, но работал. В любом случае, многое из этого приобретено на деньги из грантов. От профессоров, которые имели желание меня изучать. За эту привилегию я начал заламывать бешеные цены, предполагая, что это их отпугнет.

– Не сработало.

– Абсолютно, – ответил я, поморщившись. – Присаживайтесь.

– Я постою, – отказалась она, разглядывая моего Ван Гога. – Меня, кстати, зовут Моника.

– Моника, – повторил я, доставая две фотографии. – Должен сказать, поразительно, что вы ожидаете, будто я поверю в вашу нелепую историю.

– Я еще не рассказала вам никакой истории.

– Но собираетесь, – ответил я, кидая фотографии на стол. – Историю о путешествии во времени и, вероятно, о фотографе, который не знает, как пользоваться вспышкой.

– Вы гений, мистер Лидс, – сказала она не оборачиваясь. – Некоторые прочитанные мною источники утверждают, что вы умнейший человек планеты. Если бы в фотографиях был очевидный изъян или даже не очевидный, вы бы их давно выбросили. И уж точно не стали бы мне звонить.

– Они ошибаются.

– Они?..

– Люди, которые называют меня гением, – ответил я, присаживаясь в кресло рядом с Тобиасом. – Я не гений. Вообще-то я довольно обычный.

– Верится с трудом.

– Верьте во что угодно, – сказал я. – Но я не гений. Гениальны мои галлюцинации.

– Спасибо, – отозвался Джей Си.

– Некоторые из моих галлюцинаций, – уточнил я.

– То есть вы признаете, что ваши видения нереальны? – спросила Моника, поворачиваясь ко мне.

– Да.

– И все же вы с ними разговариваете.

– Не хочу их обижать. К тому же они бывают полезны.

- Спасибо, – опять сказал Джей Си.
- Некоторые из них бывают полезны, – снова уточнил я. – Как бы то ни было, именно из-за них вы здесь. Вам нужен их интеллект. А теперь рассказывайте свою историю, Моника, или не тратьте мое время.
- Улыбнувшись, она подошла и, наконец, устроилась в кресле.
- Это не то, что вы думаете. Нет никакой машины времени.
- Вот как?
- Вы, похоже, не удивлены.
- Путешествия в прошлое весьма и весьма маловероятны, – ответил я. – Даже если бы таковое случилось, я бы не узнал об этом, так как перемещение создало бы ответвление реальности, частью которой я не являюсь.
- Если только именно эта реальность и не является ответвлением.
- И в этом случае, – продолжил я, – с практической точки зрения перемещение во времени для меня по-прежнему не имеет смысла, так как некто, вернувшись из путешествия в прошлое, создал бы ответвление, частью которого я опять-таки не являюсь.
- Это только одна из теорий, – сказала она. – Но это не имеет значения. Как я уже сказала, машины времени не существует. По крайней мере, в традиционном смысле.
- Так эти фотографии фальшивые? – спросил я. – Я стремительно теряю интерес, Моника.
- Она положила на стол еще три фотографии.
- Шекспир, – сообщил Тобиас, когда я поднял их одну за другой. – Колосс Родосский. О... а вот это умно.
- Элвис? – спросил я.
- Очевидно, момент перед смертью, – сказал Тобиас, указывая на фото слабеющего поп-идола, сидящего с поникшей головой в своей ванной.
- Джей Си хмыкнул:
- Как будто вокруг не найдется никого похожего на этого парня.
- Они сделаны на камеру, – продолжила Моника подавшись вперед, – которая снимает прошлое.
- Она сделала паузу для большего драматизма. Джей Си зевнул.
- Проблема этих снимков в том, – сказал я, бросая фотографии на стол, – что они по сути недоказуемы. То, что на них изображено, не имеет иного визуального подтверждения, таким образом невозможно использовать какие-либо неточности для их разоблачения.
- Я видела это устройство в действии, – ответила Моника. – Оно испытывалось в тщательно подготовленных условиях. Мы вошли в пустую, заранее подготовленную комнату, взяли карточки, написали обороты и подняли их вверх. Затем мы их сожгли. После этого в комнату вошел изобретатель этого устройства и сделал снимки. Фотографии в точности отображали нас, стоящих в комнате с карточками, и надписи на них.
- Чудесно, – произнес я. – Вот если бы еще у меня была хоть малейшая причина верить вам на слово.
- Вы сами можете проверить камеру, – ответила она. – Воспользуйтесь ею и получите ответ на любой интересующий вас вопрос истории.
- Мы могли бы, – сказала Айви, – если бы ее не украли.

– Я мог бы, – повторил я, доверившись Айви. У нее отличная интуиция, и иногда она подсказывала мне, в каком ключе вести дознание. – Только ее украли, верно?

Нахмурившись, Моника откинулась в кресле.

– Мог бы и сам догадаться, Стив, – изрекла Айви. – Если бы все было в порядке, она бы не пришла или принесла бы камеру с собой, чтобы продемонстрировать нам ее возможности. Я еще могла бы поверить, что камера слишком ценная, чтобы таскать ее с собой, и находится где-то в лаборатории. Да. Но тогда бы она пригласила нас на свою территорию вместо того, чтобы заявляться на нашу. Она в отчаянном положении, хотя и старается сохранять спокойствие. Видишь, она барабанит по подлокотнику? И ты заметил, что она отказывалась садиться в начале разговора, как бы пытаясь подчеркнуть свое доминирование. Она села, только когда почувствовала себя неловко от того, что ты так свободно держишься.

Тобиас кивнул:

– «Никогда не делай стоя то, что можешь сделать сидя, или сидя то, что можешь сделать лежа», – китайская поговорка, обычно приписывается Конфуцию. Ни один оригинал Конфуция, конечно, не дожил до наших дней, так что практически все, что мы ему приписываем, – в той или иной мере догадки. Забавно, что единственным его учением, в авторстве которого мы не сомневаемся, является Золотое Правило³, но его цитата частенько приписывается Иисусу из Назарета, который сформулировал ту же мысль другими словами...

Я позволил ему говорить, интонации его спокойного голоса волнами омывали меня. И совсем не важно было, что он говорит.

– Да, – наконец промолвила Моника. – Устройство украли. Именно поэтому я здесь.

– Итак, у нас проблема, – сказал я. – Только с помощью этой камеры можно было доказать достоверность этих снимков. Между тем, камеру невозможно вернуть без того, чтобы я проделал работу, которую вы от меня ждете. Учтите, что я легко могу докопаться до сути и обнаружить, что вы водите меня за нос.

Она бросила на стол еще один снимок. Женщина в солнцезащитных очках и длинном плаще стояла на вокзальной площади. Снимок запечатлел момент, когда она изучала табло над головой.

Сандра.

– О-оу, – произнес Джей Си.

– Откуда это у вас? – потребовал я, вставая.

– Я же сказала вам...

– Игры закончились! – Я хлопнул руками по кофейному столику. – Где она? Что вам известно?

Моника отшатнулась, ее глаза расширились. Люди не знают, как вести себя с шизофрениками. Они читали рассказы, смотрели фильмы. Мы пугаем их, хотя, как утверждает статистика, склонны к насильственным действиям не больше любого обычного человека.

³ Золотое Правило – или Золотое правило нравственности – общее этическое правило, которое можно сформулировать как «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «не делайте другим того, чего не хотите себе».

Конечно, некоторые писавшие обо мне заявляют, что я не шизофреник. Половина думает, что я прикидываюсь, другая считает, что у меня нечто совсем иное, что-то новое. Чем бы это ни было, как бы там ни работал мой мозг – только один человек, кажется, понимал меня по-настоящему. И этот человек – женщина с фотографии, которую Моника только что бросила на стол.

Сандра. В некотором смысле это она все начала.

– Сделать фотографию было нетрудно, – сказала Моника. – Раньше, когда вы еще давали интервью, вы частенько ее упоминали, очевидно, в надежде, что кто-то прочтет и сможет дать вам какую-то информацию о ней. Возможно, вы надеялись, что она сама увидит ваши слова и вернется...

Я заставил себя сесть обратно.

– Вы знали, что она уехала на вокзал, – продолжала Моника. – Знали, в котором часу. Но не знали, на какой она села поезд. Мы стали делать снимки, пока не нашли ее.

– Должно быть, на вокзале была дюжина блондинок, подходящих к ее описанию, – сказал я.

Никто не знал, кем она была на самом деле. Даже я.

Моника достала стопку фотографий, штук двадцать. Снимки женщин.

– Мы подумали, что женщина в солнечных очках в помещении, – это наиболее вероятный вариант, но сделали снимки всех женщин подходящего возраста, находившихся в тот день на вокзале. На всякий случай.

Айви положила руку мне на плечо.

– Спокойно, Стивен, – сказал Тобиас. – Сильный рулевой и в шторм корабль ведет.

Я вдохнул и выдохнул.

– Можно я в нее стрельну? – спросил Джей Си.

Айви закатила глаза:

– Напомни, зачем мы его до сих пор держим?

– Я чертовски привлекателен, – ответил Джей Си.

– Послушай, – продолжила Айви, обращаясь ко мне. – Моника сама себе противоречит. Она утверждает, что пришла к тебе только потому, что камеру украли, но как тогда она сделала снимки Сандры без камеры?

Я кивнул, с трудом приводя мысли в порядок, и предъявил Монике обвинение.

Она лукаво улыбнулась:

– Мы думали задействовать вас в другом проекте. Решили, что эти снимки... могут пригодиться.

– Черт, – сказала Айви, приблизившись к самому лицу Моника и сосредоточившись на ее зрачках. – Думаю, на этот раз она, скорее всего, говорит правду.

Я уставился на снимок. Сандра. Прошло уже почти десять лет. Думать о том, как она меня бросила, было больно до сих пор. Оставила, после того как показала возможности использования моего разума. Я пробежался пальцами по фотографии.

– Мы должны взяться за это, – сказал Джей Си. – Мы должны с этим разобраться, дохляк.

– Если есть хоть малейший шанс... – произнес Тобиас кивая.

– Скорее всего, камера была украдена кем-то из своих, – предположила Айви. – В подобных проектах это не редкость.

– Ее украл кто-то из своих же, верно? – спросил я.

– Да, – ответила Моника. – Но мы не имеем ни малейшего представления, куда они направились. За последние четыре дня мы потратили десятки тысяч долларов, пытаясь отследить их. Я с самого начала настаивала на вашем участии. Но другая... часть нашей компании против привлечения того, кого они считают нестабильным.

– Я берусь, – сказал я.

– Отлично. Вы хотите посмотреть нашу лабораторию?

– Нет, – ответил я. – Отвезите меня в дом похитителя.

– Мистер Балубал Разон, – читал досье Тобиас, пока мы поднимались по лестнице. Я просмотрел его по дороге, но не особо вникая, потому что был слишком погружен в свои мысли. – По происхождению филиппинец, но уже во втором поколении американец. Получил докторскую степень по физике в Университете Мэйна. Наград нет. Живет один.

Мы добрались до седьмого этажа многоквартирного дома. Моника запыхалась. Она шла слишком близко к Джей Си, отчего тот хмурился.

– Следует добавить, – сказал Тобиас, опуская досье, – Стэн уведомляет, что, дождевой фронт рассеялся, так и не добравшись до нас. И теперь будет только солнечно.

– Слава богу, – произнес я, поворачиваясь к двери, возле которой стояли двое мужчин в черных костюмах. – Ваши? – спросил я у Моники, кивая в их сторону.

– Угу, – ответила она. Всю дорогу до места ей пришлось провисеть на телефоне, разговаривая с кем-то из своих начальников.

Достав ключ от квартиры, Моника отперла дверь. В помещении царил полный кавардак. Коробки из-под китайской еды стояли на подоконнике в ряд, словно в них собирались выращивать урожай цыплят «Генерал Тсо»⁴ на следующий сезон. Повсюду горами лежали книги, а стены были увешаны фотографиями. Не из разряда путешествий во времени, а обычными любительскими фото.

Нам пришлось изловчиться, чтоб протиснуться в двери и миновать эти книжные завалы. Для нас всех квартира оказалась тесноватой.

– Моника, не могли бы вы подождать снаружи, – попросил я. – Здесь довольно тесно.

– Тесно? – спросила она, нахмурившись.

– Вы все время проходите сквозь Джей Си, – ответил я. – Его это раздражает. Он не переносит, когда ему напоминают, что он галлюцинация.

– Я не галлюцинация, – огрызнулся Джей Си. – Просто у меня сверхсовременный костюм для скрытного перемещения.

С минуту Моника смотрела на меня, затем прошла к дверям и, встав между двумя охранниками, уперла руки в бока, наблюдая за нами.

⁴ Цыпльята «Генерал Тсо» – или «курица генерала Тсо» – традиционное блюдо китайских ресторанов в Америке. Настолько популярное, что его часто заказывают на дом, как пиццу. Само блюдо представляет собой кусочки курицы в хрустящем кляре и в темном, густом, сладковато-остром соусе. При этом вариантов произношения имени самого «генерала» множество – и «Тао», и «Зо», и «Тсе», и «Чао». Мы остановились на наиболее близком звукоподражании тексту оригинала.

– Ну что, народ, – предложил я, – давайте посмотрим.
– Неплохие замки, – отметил Джей Си, крутя цепочку на двери. – Толстое дерево, три засова. Если я не ошибаюсь... – Он ткнул во что-то, похожее на почтовый ящик на стене у двери.

Я открыл его. Внутри был новенький пистолет.

– Ругер Бизли⁵, переделанный под большой калибр, – сказал Джей Си. Я открыл эту крутящуюся штуковину с пулями и вынул одну из них. – Патроны пойнт пятьсот Линбо⁶, – продолжил Джей Си. – Это оружие для человека, который знает в нем толк.

– И все-таки, он его оставил, – заметила Айви. – Может, слишком торопился?

– Нет, – сказал Джей Си. – Это был его придверный пистолет. Постоянное оружие у него было другое.

– Придверный пистолет? – удивленно повторила Айви. – Это типа какой-то пунктик или что?

– Если кто-то пытается к тебе вломиться, нужно что-то с высокой пробивной способностью, – ответил Джей Си, – чтобы можно было прострелить дерево. Но у него такая отдача, что тебе вряд ли удастся сделать больше пары выстрелов. С собой он наверняка носит что-то меньшего калибра.

Джей Си внимательно осмотрел пистолет.

– Хотя из него никогда не стреляли. Хмм... Есть вероятность, что ему его кто-то дал. Может, он поинтересовался у какого-нибудь друга, как себя защитить? Настоящий солдат обязательно проверит, как поведет себя его оружие при стрельбе. Ни один пистолет не стреляет абсолютно прямо. У каждого есть характер.

– Он же ученый, – сказал Тобиас, стоя на коленях между рядами книг. – Историк.

– Тебя это удивляет? – спросил я. – У него докторская степень. Надо думать, он умен.

– Докторская степень в теоретической физике, Стивен, – напомнил Тобиас. – Но здесь у него несколько очень глубоких исторических и теологических книг. Чтение не для всех. Трудно быть начитанным ученым в более чем одной сфере. Не удивительно, что он ведет уединенную жизнь.

– Четки, – сказала Айви, поднимая со стопки книг католические четки с крестиком и внимательно их изучая. – Поношенные, их часто использовали. Открой одну из тех книг.

Я поднял с пола книгу.

– Нет, вон ту. «Бог как иллюзия»⁷.

– Ричард Докинз? – спросил я, пролистывая книгу.

⁵ Ругер Бизли – Ruger Bisley – 6-зарядный револьвер одиночного действия американского производства, разработанный в 1980-х годах. Выпускаются модели различных калибров с разной длиной стволов.

⁶ Патроны пойнт пятьсот Линбо — .500 Linebaugh – револьверный патрон калибра .50 (12,7 мм). Считается одним из самых мощных патронов по энергии полета пули и ее пробивной силе. Для сравнения – в пистолете «Макаров» используется патрон калибра 9 мм.

⁷ «Бог как иллюзия» – The God Delusion; 2006 – научно-популярное атеистическое произведение английского популяризатора науки Ричарда Докинза, профессора Оксфордского университета. Книга привлекла огромное внимание, последовало множество комментариев, отзывов и ответных публикаций.

– Ведущий атеист, – сказала Айви, заглядывая мне через плечо, – сделаны пометки с контраргументами.

– Поборник католицизма в море мирских ученых, – добавил Тобиас. – Да... многие эти работы на религиозные или околорелигиозные темы. Фома Аквинский, Даниел Харди, Френсис Шеффер, Пьетро Алагона⁸...

– Вон его бейджик с работы, – сказала Айви, кивая на висевшую на стене карточку. На ней большими буквами было написано «Лаборатории Азари, Инк.». Компания, где работает Моника.

– Позови Моника, – попросила Айви. – И повторяй, что я буду говорить.

– Моника, – окликнул я.

– Что, мне уже можно войти?

– Будет зависеть от того, – повторил я слова, которые нашептывала мне Айви, – скажете ли вы мне правду.

– Какую?

– Что Разон сам изобрел камеру, а с Азари начал сотрудничать, когда у него уже был работающий прототип.

Моника прищурилась.

– Бейдж слишком новый, – сказал я. – Не потертый и не поцарапанный от постоянного ношения или использования. Фотография на нем не старше двух месяцев, судя по наличию на ней бороды и по ее отсутствию на стоящем на полке фото с Горы Вернон. Более того, это квартира не высокооплачиваемого инженера. Со сломанным лифтом? Да на северо-востоке города? Мало того, что это трущобы, так еще и находятся они слишком далеко от вашего офиса. Он не крал вашей камеры, Моника. Однако меня так и подмывает предположить, что это вы пытаетесь украсть ее у него. Поэтому он сбежал?

– Когда он к нам пришел, прототипа у него не было, – ответила Моника. – По крайней мере, работающего. У него был только один снимок – тот, что с Вашингтоном, – и куча обещаний. Ему нужны были деньги на стабильно работающий аппарат. Очевидно, тот, который он сделал, поработал только несколько дней. Мы профинансировали его на полтора года вперед и предоставили ограниченный доступ к лабораториям. Он получил официальный бейдж, когда его чертова камера, наконец, заработала. И он украл ее у нас. Контракт, который он подписал, предусматривает, что все оборудование должно оставаться в наших лабораториях. Он использовал нас в качестве удобного источника денег, а при первой же возможности смылся, прихватив главный приз, и при этом стер всю наработанную информацию и вывел из строя то, что не смог забрать.

– Это правда? – спросил я Айви.

– Не могу сказать, – ответила она. – Извини. Если бы я могла послушать ее сердцебиение... может, ты смог бы приложить ухо к ее груди.

– Уверен, она будет в восторге, – отметил я.

Джей Си улыбнулся:

– А я бы прислонился к ее груди.

– Я тебя умоляю, – сказала Айви. – Ты бы заглянул ей под пиджак только ради того, чтобы посмотреть, что у нее за пушка.

⁸ Фома Аквинский (1225–1274), Даниел Харди (1930–2007), Френсис Шеффер (1912–1984), Пьетро Алагона (1549–1624) – европейские и американские авторы теософских произведений, как католических, так и протестантских направлений разных периодов. В основном обосновывали божественную сущность в человеческом сознании.

– Беретта М9, – ответил Джей Си. – Уже заглянул.
Айви уставилась на меня.

– Что? – изобразил я невинность. – Это он сказал.

– М9 банален, но эффективен, дохляк, – добавил Джей Си. – И судя по тому, как она держится, она знает, как обращаться с пистолетом. То, что она отдувалась, поднимаясь по лестнице, – всего лишь игра. Она в отличной форме. Пытается прикинуться каким-нибудь менеджером или офисным планктоном, но очевидно, что она из службы безопасности.

– Спасибо, – сказал я.

– Вы, – заметила Моника, – очень странный человек.

Я переключил внимание на ней. Конечно же, из всего разговора она могла слышать только мои реплики.

– Я думал, вы читали мои интервью.

– Читала. Они дают неверное представление. Я представляла вас блестящим гением, переключающимся с одной личности на другую.

– То диссоциативное расстройство личности, – сказал я. – Это другое.

– Молодец! – выпалила Айви. Это она натаскивала меня по психическим расстройствам.

– Как бы то ни было, – сказала Моника. – Я, наверное, просто удивлена тем, каким вы оказались в действительности.

– И каким же? – спросил я.

– Менеджер среднего звена, – сказала она неуверенно. – В любом случае, вопрос остается открытым. Где Разон?

– Это зависит от того, – ответил я, – нужно ли ему находиться в каком-то определенном месте, чтобы использовать камеру? То есть, должен ли он находиться на Горе Вернон, чтобы снять прошлое того места, или можно каким-то образом настроить камеру так, чтобы снимать отсюда?

– Нужно идти на место, – сказала Моника. – Камера видит прошлое именно того места, в котором находится.

Здесь была неувязочка, но пока я решил пропустить этот вопрос. Разон. Куда бы он отправился? Я взглянул на Джей Си – тот лишь пожал плечами.

– В первую очередь ты смотришь на него? – холодно спросила Айви. – Так, что ли?

Тогда я посмотрел на нее, и она покраснела:

– У меня... у меня вообще-то тоже ничего.

На что Джей Си хихикнул.

Тобиас встал, неторопливо и плавно, словно плывущие в небе далекие облака.

– Иерусалим, – произнес он тихо, положив руку на книгу. – Он отправился в Иерусалим.

Мы все посмотрели на него. Ну, все кто мог.

– Куда еще пойдет верующий, Стивен? – спросил Тобиас. – После многолетних споров со своими коллегами, после того, как он прослыл дураком из-за своей веры? Все время дело было только в этом, только поэтому он изобрел камеру. Он отправился туда, чтобы ответить на вопрос. Для нас, для себя. Вопрос, которым задаются уже две тысячи лет. Он отправился сделать портрет Иисуса из Назарета. Нареченного Христом по воскрешении его.

Я потребовал пять мест в первом классе. Это не очень понравилось начальникам Моники, многие из которых меня вообще не одобряли. С одним из них, мистером Дейвенпортом, я познакомился в аэропорту. От него пахло табаком, а Айви раскритиковала его вкус в выборе обуви. Я решил, что просить у него корпоративный джет⁹ было бы не очень хорошей идеей.

Мы сидели в самолете, в салоне первого класса. Я лениво листал толстенную книгу, которую нашел в откидном ящичке своего кресла. Позади меня Джей Си хвастался Тобиасу оружием, которое он смог протащить мимо службы безопасности.

Айви дремала у окна, сиденье рядом с ней пустовало. Сидевшая возле меня Моника не сводила глаз с этого свободного кресла.

– Так Айви сидит у окна?

– Да, – ответил я, перелистывая страницу.

– Тобиас и моряк позади нас?

– Джей Си – морской котик. Он бы пристрелил вас за такую ошибку.

– А еще одно место? – спросила она.

– Пустое, – ответил я, перелистывая страницу.

Она ждала объяснений. Но я промолчал.

– Так что вы собираетесь делать с этой камерой? – спросил я. – Если предположить, что она реальна, в чем лично я все еще не уверен.

– Существуют сотни способов применения, – сказала Моника. – Обеспечение правопорядка... Шпионаж... Восстановление истинного хода исторических событий... Наблюдение за ранними стадиями развития планеты в научно-исследовательских целях...

– Разоблачение древних религий...

Она подняла на меня бровь:

– Так значит, вы человек религиозный, мистер Лидс?

– Какая-то часть меня. – Это была чистая правда.

– Хорошо, – сказала она. – Давайте предположим, что христианство – обман. Или, возможно, движение, инициированное группой людей с самыми благими намерениями, которое слишком разрослось. Разве не будет во благо раскрыть это миру?

– Я не достаточно подкован, чтобы вести подобные споры, – ответил я. – Вам нужен Тобиас. Он у нас философ. Но сейчас, я думаю, он спит.

– Вообще-то, Стивен, – сказал Тобиас, наклоняясь между нашими креслами, – эта тема мне довольно любопытна. Кстати, Стэн отслеживает наш маршрут. Говорит, впереди, возможно, нас ждет небольшая тряска.

– Вы на что-то смотрите, – заметила Моника.

– Я смотрю на Тобиаса, – ответил я. – Он желает продолжить беседу.

– Я могу говорить с ним?

– Думаю, да. Через меня. Хотя предупреждаю, игнорируйте все, что он говорит о Стэне.

– Кто такой Стэн? – спросила Моника.

– Космонавт, которого слышит Тобиас. Предположительно летает где-то на околоземной орбите в искусственном спутнике. – Я перевернул страницу. – Стэн в основном безвреден, он делает нам прогнозы погоды и тому подобное.

⁹ Джет – Jet – изначально семейство узкофюзеляжных реактивных самолетов средней дальности.

– Ага... понимаю, – сказала она. – Стэн – один из ваших особенных друзей?

Я засмеялся:

– Нет. Стэн не настоящий.

– Я думала, вы сказали, что никто из них не настоящий.

– Ну, да. Они мои галлюцинации. Но Стэн – это нечто особенное. Только Тобиас слышит его. Тобиас – шизофреник.

Она удивленно моргнула:

– У ваших галлюцинаций...

– Да?

– У ваших галлюцинаций галлюцинации?

– Да.

Сбитая с толку, она откинулась в кресле.

– У них у всех свои проблемы, – сказал я. – У Айви трипофобия¹⁰, хотя она в основном держит ее под контролем. Просто не подходите к ней с осиным гнездом. У Армандо мания величия. У Адолин обсессивно-компульсивное расстройство¹¹.

– Будь добр, Стив, – обратился ко мне Тобиас, – скажи ей, что я считаю Разона очень смелым человеком.

Я повторил его слова.

– Почему это? – спросила Моника.

– Быть одновременно и ученым, и верующим – значит поддерживать внутри себя шаткое перемирие, – ответил Тобиас. – Наука принимает только те истины, которые могут быть доказаны – в этом ее суть. А основа веры – это истина, как она есть, как нечто, не требующее доказательств. Поэтому Рazon смелый человек, если решился на это. Независимо от того, что он там выяснит, одна из двух дорогих его сердцу идей будет опровергнута.

– Он может быть фанатиком, – заметила Моника. – Слепо идущим вперед, пытающимся найти окончательное подтверждение своей правоты.

– Возможно, – ответил Тобиас. – Только настоящему фанатику не нужны доказательства. Доказательства ему дарует Господь. Нет, я вижу здесь нечто иное. Мужчину, жаждущего объединить науку и веру, первого – возможно, за всю историю – человечества, кто действительно нашел способ направить науку на выяснение нерушимых религиозных истин. Я нахожу это благородным.

Тобиас откинулся в кресле. Пока Моника сидела в раздумье, я пролистал последние страницы книги и запихнул ее в карман переднего сиденья.

Кто-то потревожил занавески, проходя из салона эконом-класса в первый.

¹⁰ Трипофобия – или боязнь кластерных отверстий – страх перед повторяющимися отверстиями. Скопления небольших отверстий, например, семена лотоса или пузырьки в тесте, могут спровоцировать нервную дрожь, кожный зуд, тошноту и общее ощущение дискомфорта. Американская Психиатрическая Ассоциация не признает трипофобию психическим расстройством.

¹¹ Обсессивно-компульсивное расстройство – или ОКР, невроз навязчивых состояний – психическое расстройство, характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами. У больного непроизвольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (обсессии), от которых он постоянно и безуспешно пытается избавиться с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий).

– Здравствуйте! – донесся до нас приближающийся по проходу приветливый женский голос. – Я не могла не заметить, что у вас здесь свободное место, и подумала, может, вы позволите мне занять его.

Новоприбывшая была приятной круглолицей девушкой лет тридцати со смуглой индийской кожей и темно-красной точкой на лбу. На ней была замысловатая красно-золотистая одежда с такой индийской штукой вроде шали, которая перекидывается через плечо и оборачивается вокруг тела. Я не знаю, как они называются.

– Это че такое? – спросил Джей Си. – Эй, Ахмед. Ты же не собираешься взорвать самолет, правда ведь?

– Меня зовут Калиани, – ответила она. – И я совершенно определенно не собираюсь ничего взрывать.

– Оу, – произнес Джей Си, – какое разочарование. – И, закрыв глаза, он откинулся назад. Скорее притворившись, что закрыл глаза, потому что через щелочку прикрытых век одним глазом все-таки продолжал наблюдать за Калиани.

– Зачем мы его держим? – спросила Айви, потягиваясь и прогоняя дремоту.

– Вы вертите головой по сторонам, – сказала Моника. – Мне кажется, я пропускаю целую дискуссию.

– Так и есть, – ответил я. – Моника, познакомьтесь с Калиани. Новый аспект, для которой мы держали свободное кресло.

Широко улыбаясь, Калиани бойко протянула Монике руку.

– Она не видит тебя, Калиани, – сказал я.

– Ой, точно! – Калиани закрыла лицо ладонками. – Извините, мистер Стив. Для меня все это так ново.

– Все в порядке. Моника, Калиани будет нашим переводчиком в Израиле.

– Я лингвист, – сказала Калиани кланяясь.

– Переводчиком... – промолвила Моника, взглянув на книгу, которую я убрал. Книгу о лексике, синтаксисе и грамматике иврита. – Вы только что выучили иврит?

– Нет, – ответил я. – Я просмотрел книгу, и этого было достаточно, чтобы вызвать аспекта, знающего язык. Я в языках полный ноль.

Я зевнул, раздумывая, достаточно ли будет для Калиани оставшегося времени полета, чтобы выучить еще и арабский.

– Докажите, – попросила Моника.

Я поднял бровь.

– Я хочу это видеть, – сказала Моника. – Пожалуйста.

Вздохнув, я повернулся к Калиани:

– Как сказать: «Я хотел бы попрактиковаться в иврите. Не могли бы вы поговорить со мной на своем языке?»

– Хм... «я хотел бы попрактиковаться в иврите» звучит как-то криво. Может, «я хотел бы усовершенствовать мой иврит»?

– Давай так.

– Ани роцех лесхапер эт ха'иврит шели, – проговорила Калиани.

– Черт, – сказал я. – Хрен выговоришь.

– Следим за языком! – отозвалась Айви.

– Это не так трудно, мистер Стив. Вот, попробуйте. Ани роцех лесхапер эт ха'иврит шели.

– Ане роте зили шапер хап... ер хав... – сказал я.

– О, боже, – пробормотала Калиани. – Это... это ужасно. Может, по одному слову?

– Хорошая идея, – ответил я, махнув стюардессе, той, которая перед началом полета рассказывала о правилах безопасности на иврите.

– Да? – улыбнулась она нам.

– Эээ... – начал я.

– Ани, – терпеливо сказала Калиани.

– Ани, – повторил я.

– Роцех.

– Роцех...

Потребовалось немного времени, пока в итоге я с этим справился. Стюардесса даже поздравила меня. К счастью, перевести ее ответ на английский было намного проще. Калиани переводила довольно бегло.

– О, у вас просто ужасный акцент, мистер Стив, – сказала Калиани, когда стюардесса ушла. – Мне так стыдно.

– Мы будем работать над этим, – ответил я. – Спасибо.

Калиани улыбнулась мне и обняла, затем попыталась обнять Монику, которая ничего не заметила. Наконец индианка заняла место рядом с Айви, и они принялись оживленно болтать, что позволило мне расслабиться. Когда мои галлюцинации ладят между собой, это всегда облегчает мне жизнь.

– Вы уже знали иврит, – обвинила меня Моника. – Вы знали его еще до полета, а последние пару часов просто освежали память.

– Верьте во что хотите.

– Но это невозможно, – продолжила она. – Человек не может выучить абсолютно новый язык за пару часов.

Я даже не стал ее поправлять и говорить, что я его и не выучил. Если бы я его знал, у меня не было бы такого ужасного акцента, и Калиани не было бы смысла говорить мне слово за словом.

– Мы летим в погоне за камерой, снимающей прошлое, – сказал я. – Неужели в это поверить легче, чем в то, что я так быстро выучил иврит?

– Ладно, хорошо. Притворимся, что так и есть. Но если вы способны учиться так быстро, то почему вы до сих пор не знаете все языки – да вообще все?

– В моем доме для этого недостаточно комнат, – ответил я. – По правде говоря, Моника, я ничего этого не хочу. Я с радостью бы освободился от всего этого, и моя жизнь стала бы намного проще. Иногда я думаю, что все они сведут меня с ума.

– Так вы... не сумасшедший?

– Боже, конечно, нет, – ответил я и посмотрел на нее. – Вы этого не признаете.

– Вы видите людей, которых нет, мистер Лидс. С таким фактом трудно смириться.

– И, несмотря на это, у меня хорошая жизнь. Скажите мне вот что. Почему меня вы считаете сумасшедшим, а человека, который не может

удержаться на работе, изменяет жене, который не может держать себя в руках, вы называете нормальным?

– Ну, возможно не совсем...

– Множество «нормальных» людей не могут удержать все под контролем. Состояние их рассудка – стрессы, волнения, фрустрации – встает на пути их возможности быть счастливыми. По сравнению с ними я – сама стабильность. Хотя должен признать, было бы неплохо, если бы меня оставили в покое. Я не хочу быть каким-то особенным.

– От этого и появляются все эти галлюцинации? – сказала Моника.

– О, так вы теперь психолог? Прочитали книжку, пока мы летели? Где же ваш новый аспект? Дайте я пожму ей руку.

Моника не отреагировала на провокацию:

– Вы создаете эти иллюзии, чтобы спихивать все на них. Вашу гениальность, которая для вас обременительна. Вашу ответственность. Им приходится насильно тащить вас за собой, чтобы заставить помогать людям. И это дает вам возможность притворяться, мистер Лидс. Притворяться, что вы нормальный. В этом и заключается настоящая иллюзия.

У меня вдруг возникло желание, чтобы полет побыстрее подошел к концу.

– Этой теории я еще не слышал, – тихо произнес Тобиас сзади. – Возможно, в этом что-то есть, Стивен. Нужно бы напомнить Айви...

– Нет! – рявкнул я, поворачиваясь к нему. – Она уже достаточно покопалась в моей голове.

Повернувшись обратно, я увидел, что в глазах Моника снова появился тот взгляд – взгляд, который появляется у «нормальных» людей, когда они имеют дело со мной. Взгляд человека, вынужденного держать динамит голыми руками. Этот взгляд... он ранит куда больше чем само заболевание.

– Скажите мне вот что, – сменил я тему. – Как Разону удалось бежать?

– Не то чтобы мы не предприняли никаких мер предосторожности, – ответила Моника сухо. – Камера надежно запиралась, но мы не могли полностью исключить доступ к ней человека, которому платили за то, чтобы он ее разрабатывал.

– Здесь есть что-то еще, – сказал я. – Без обид, Моника, но вы хитрите. Айви и Джей Си давным-давно вычислили, что вы не инженер. Вы либо скользкий управленец, призванный улаживать нежелательные моменты, либо скользкий куратор службы безопасности с теми же функциями.

– И в каком месте я должна была не обижаться? – спросила она холодно.

– Как получилось, что Разон имел доступ ко всем прототипам? – продолжил я. – Наверняка вы без его ведома скопировали чертежи камеры. Наверняка филиалы вашей лаборатории получили образцы аппарата, чтобы штатные инженеры смогли разобрать их по винтику и выяснить их устройство. Очень тяжело поверить, что он каким-то образом сумел добраться до всех прототипов и уничтожил их.

Пару минут она постукивала пальцами по подлокотнику.

– Ни одна из них не работала, – наконец призналась она.

– А вы сделали точные копии?

– Да, но все равно ничего не получилось. Мы задали Разону вопрос, и он ответил, что еще остаются недоработки. У него постоянно находились оправдания, а кроме того, у Разона были проблемы и с его собственными

прототипами. Это еще неисследованная область науки. Мы первопроходцы. Тут не обойтись без недоработок и неточностей.

– Все сказанное верно, – заметил я. – Но ни во что это вы не верите.

– Он что-то делал с теми камерами, – сказала она. – Что-то, чтобы без него они не работали. Имея достаточно времени, чтобы повозиться, он мог заставить работать любой прототип. Вместо его камеры мы ночью подсовывали одну из наших копий. И у него она работала. Мы меняли ее обратно – и она работать прекращала.

– А у других людей в его присутствии камеры работали?

Она кивнула:

– Они даже могли использовать их какое-то время в его отсутствие. Но спустя некоторое время любая камера переставала работать, и нам приходилось опять нести ее к нему на починку. Вы должны понять, мистер Лидс. У нас была всего пара месяцев, в течение которых камера вообще работала. Большую часть времени его работы в Азари многие наши сотрудников вообще считали его шарлатаном.

– Но не вы, как я полагаю.

Она ничего не ответила.

– Без него, без его камеры, ваша карьера – ничто. Вы спонсировали его. Вы защищали его. И потом, когда она, наконец, заработала...

– Он предал меня, – прошептала она.

Ее взгляд никак нельзя было назвать дружелюбным. Мне пришло в голову, что если мы все-таки найдем мистера Разона, я, может быть, сначала спущу на него Джей Си. Тот, скорее всего, захочет пристрелить парня. Но Моника! Моника просто разорвет его на части.

– Ну, – сказала Айви, когда мы вышли из аэропорта, – хорошо, что мы выбрали захолустный городок. Если бы нам пришлось искать Разона в большом городе – колыбели трех крупнейших мировых религий, одном из популярнейших туристических центров мира – это было бы действительно непросто.

На что я улыбнулся. Один из громил Моника отправился искать машины, заказанные для нас компанией Азари.

Улыбка лишь слегка коснулась уголков моих губ.

Во второй половине полета мне не очень-то удалось позаниматься с арабским. Я провел время, размышляя о Сандре. А это всегда отвлекало.

Айви обеспокоенно наблюдала за мной. Иногда она ведет себя как мамочка. Чтобы послушать, как звучит язык, Калиани подошла к каким-то людям, говорившим на иврите.

– Ах, Израиль, – сказал Джей Си, обгоняя нас. – Всегда мечтал приехать сюда, только чтобы посмотреть, смогу ли я прошмыгнуть через охрану. Вы же знаете, она здесь лучшая в мире.

За спиной у него был какой-то не знакомый мне черный мешок.

– А это что?

– Автомат М4А1, – ответил Джей Си. – С встроенным оптическим прицелом и гранатометом М203.

– Но...

– У меня здесь есть свои люди, – сказал он тихо. – Бывших спецназовцев не бывает.

Машины подъехали, хотя водителей, похоже, удивило, зачем четверым пассажирам две машины. Но на самом деле мы все едва разместились. Я выбрал вторую, переднее сиденье которой занял Тобиас, а на заднем между мной и Моникой устроилась Айви.

– Хочешь поговорить об этом? – тихо спросила Айви, пристегивая ремень безопасности.

– Не думаю, что нам удастся найти ее, даже с фотографиями, – ответил я. – Сандра отлично умеет избегать лишнего внимания, да и времени прошло слишком много.

Моника посмотрела на меня, очевидно решив, что я обращаюсь к ней. На губах повис вопрос, который так и остался невысказанным, когда она вспомнила, кого сопровождает.

– Знаешь, возможно, у нее была веская причина, чтобы уйти, – сказала Айви. – Мы ведь не знаем всей истории.

– Веская причина? Которая объясняет, почему за все десять лет она ни разу не вышла на связь?

– Такое возможно, – отметила Айви.

Я ничего не ответил.

– Ты ведь не собираешься начать терять нас, да? – спросила Айви? – Допустить, чтобы аспекты стали исчезать? Меняться?

Становиться ночными кошмарами. Ей не было необходимости добавлять эту последнюю фразу.

– Это больше не повторится, – сказал я. – Теперь я все контролирую.

Айви по-прежнему скучала по Джастину и Игнасио. Честно говоря, я тоже.

– А эти... поиски Сандры, – продолжила Айви. – Дело только в твоих чувствах к ней, или в чем-то еще?

– В чем еще может быть дело?

– Это она научила тебя контролировать разум, – Айви отвернулась. – Только не говори, что ты никогда не задавался вопросом, может, у нее есть еще какие-то секреты? Возможно... лекарство.

– Не глупи, – ответил я. – Меня все устраивает, как есть.

Айви не ответила, но я видел, как Тобиас смотрел на меня в зеркало заднего вида. Изучающе. Пытаясь оценить, насколько я был искренен.

Если честно, я и сам пытался в этом разобраться.

Далее последовала долгая дорога – аэропорт находился довольно далеко от самого города. Потом началась лихорадочная езда по улицам древнего и в то же время современного поселения. Дорожную скуку развеял лишь эпизод, когда мы чуть не наехали на продавца оливок. По прибытии в пункт назначения мы вышли из машин и попали в море галдящих туристов и набожных паломников.

Древнее строение перед нами напоминало коробку с простым фасадом и двумя большими арочными окнами прямо над нашими головами.

– Храм Гроба Господня, – сказал Тобиас. – Принято считать, что на этом месте был распят Иисус из Назарета, здесь же находилось и место его погребения. Это удивительное строение изначально состояло из двух зданий, построенных в четвертом веке по приказу Константина Великого. Они сменили храм Афродиты, простоявший на этом месте около двухсот лет.

– Спасибо, Википедия, – пробурчал Джей Си, закидывая на плечо свою винтовку. Он сменил одежду на боевое обмундирование.

– Верны ли предания, – спокойно продолжил Тобиас, держа руки за спиной, – и действительно ли именно на этом самом месте происходили те исторические события – сие до сих пор остается предметом диспутов. Хотя легенды сохранили много подходящих объяснений спорных моментов. Например, что храм Афродиты был построен здесь для подавления раннего христианства – именно поэтому нынешний храм повторяет форму языческого. И к тому же храм расположен в пределах городских стен, что дает отличный повод для споров, ведь могила Иисуса предположительно должна находиться за городом.

– Нам абсолютно все равно, подлинная здесь могила или нет, – сказал я, проходя мимо Тобиаса. – Разон пришел бы сюда. Это одно из самых очевидных мест. Если не самое очевидное, с которых следует начинать поиск. Моника, на пару слов, пожалуйста.

Она последовала за мной, ее громилы отправились проверить, нужны ли нам входные билеты. Охрана была на высшем уровне, ведь храм находился на Западном Берегу, и относительно него уже поступали угрозы от террористов.

– Что вы хотели? – спросила Моника.

– Камера выдает фото сразу? – уточнил я. – Делает цифровые снимки?

– Нет, она снимает только на пленку. Среднего формата, никакой цифры. Разон настаивал, чтобы было именно так.

– Теперь вопрос посложнее. Вы осознаете проблему, связанную со съемкой далекого прошлого какого-то определенного места, не так ли?

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что мы сейчас находимся не в том же самом месте, которое было здесь две тысячи лет назад. Планета движется. Одна из теоретических проблем путешествий во времени заключается в том, что если ты отправишься на сотню лет назад в ту же самую точку, где находишься сейчас, то, скорее всего, окажешься в открытом космосе. Даже если тебе очень повезет, и планета будет на том же самом месте своей орбиты, – из-за вращения Земли ты окажешься в другой точке ее поверхности. Или под ее поверхностью, или в ста километрах над ней.

– Это просто смешно.

– Это наука, – возразил я, глядя на храм. – То, что мы здесь делаем – вот это смешно. И все же...

– Я знаю лишь то, – сказала она, – что Разону необходимо было находиться на месте, чтобы его снять.

– Хорошо, – произнес я. – Еще вопрос: что он из себя представляет? Характер?

– Резкий, – сразу ответила она. – Любит поспорить. И он очень трясется над своим оборудованием. Уверена, что ему удалось уйти с камерой во многом потому, что он неоднократно убеждал нас, что у него ОКР¹² по отношению к его игрушкам, из-за чего мы слишком многое ему позволяли.

Наконец наша группа прошла в храм. В спертom воздухе помещения разносился шепот туристов и звук шарканья ног по камням. Храм по-прежнему оставался местом поклонения.

¹² ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство.

– Мы что-то упускаем, Стив, – сказала Айви, догоняя меня. – Мы выпустили из виду какую-то важную часть головоломки.

– Догадки будут? – спросил я, оглядывая расписанные стены храма.

– Работаю над этим.

– Погодите, – сказал Джей Си, подходя к нам. – Айви, ты думаешь, что нам чего-то не хватает, но не знаешь чего и даже не догадываешься, что это может быть?

– В общем, да, – ответила Айви.

– Эй, дохляк, – обратился Джей Си ко мне, – кажется, мне не хватает миллиона долларов, но я не знаю почему и не имею ни малейшего представления, откуда он мог бы взяться. Но я на все сто уверен, что мне его не хватает. Так что сделай что-нибудь по этому поводу...

– Ты просто кретин, – сказала Айви.

– То, что я сказал, – продолжил Джей Си, – это была метафора.

– Нет, – ответила она, – это было логическое доказательство.

– Че?

– Направленное на демонстрацию того, что ты идиот. О! И угадай что? Доказательство оказалось успешным! *Quod erat demonstrandum*¹³. Теперь мы точно, без всяких сомнений, можем сказать, что ты и в самом деле идиот.

Они пошли дальше, продолжая препираться. Я покачал головой и двинулся вглубь храма. Место предположительного распятия было отмечено позолоченной нишей в виде алькова, переполненным туристами и верующими. Я недовольно скрестил на груди руки. Многие туристы фотографировали.

– Что? – спросила Моника.

– Я надеялся, что фотосъемка здесь запрещена, – ответил я. – Как в большинстве подобных мест. Если бы Разон попытался сфотографировать, скорее всего, его кто-нибудь заметил бы.

Возможно, это и было запрещено, но стоящая неподалеку охрана не особо возражала.

– Начнем искать, – сказала Моника, незаметно подавая сигнал своим людям. Следуя нашему хрупкому плану, все трое двинулись сквозь толпу, пытаясь найти в святых местах кого-нибудь, кто видел Разона.

Заметив, что неподалеку двое охранников разговаривают между собой на иврите, я стал ждать. Наконец один, очевидно уходя со смены, помахал другом.

– Калиани, за мной, – скомандовал я.

– Конечно-конечно, мистер Стив. – И она бодрым шагом двинулась за мной вслед уходящему охраннику.

Тот смерил меня усталым взглядом.

– Здравствуйте, – с помощью Калиани сказал я на иврите. Я сначала шептал фразу и ждал, пока она переведет ее мне. – Прошу прощения за мой ужасный иврит!

Он замешкался, затем улыбнулся:

– Не такой уж он плохой.

– Да он просто чудовищный.

– Вы еврей? – предположил он. – Из Штатов?

¹³ *Quod erat demonstrandum* – «Что и требовалось доказать» – латинское выражение, формулировка, завершающая доказательство теоремы.

– Вообще-то я не еврей, но я из Штатов. Просто считаю, что перед поездкой в какую-либо страну следует выучить ее язык.

Охранник улыбнулся. Он казался дружелюбным человеком, хотя такими здесь было большинство. Людям всегда нравится, когда иностранцы говорят на их языке. По пути мы немного поболтали, и я выяснил, что он действительно сменился с дежурства. Его кто-то должен был забрать, и он, казалось, был не против скрасить ожидание за разговором. Я старался сделать, вид, что хочу попрактиковаться в языке в общении с местным жителем.

Звали его Мойша, он работал в этой смене почти каждый день. В его обязанности входило не давать людям делать глупости. Хотя он признался, что его первостепенной задачей было не допускать в храм террористических актов. Он был в штате сотрудников, которых помимо регулярных дежурств дополнительно вызывают на усиление патрулирования в праздничные дни, когда правительство особо беспокоится об угрозе безопасности и хочет более видимого присутствия органов правопорядка в туристических местах. В конце концов, храм находится на спорной территории.

Спустя пару минут я начал переводить разговор на тему Разона.

– Наверняка вам доводится наблюдать много интересных вещей, – сказал я. – Перед тем как прийти сюда, мы были на Могиле в саду. Там один бешеный азиат орал на всех.

– Да? – спросил Мойша.

– Ага. Судя по акценту – американец, но с азиатскими чертами лица. У него была такая огромная камера на штативе – будто он тут самый главный и снимать можно только ему. Прешипался с охранником, который запрещал ему снимать со вспышкой.

Мойша рассмеялся:

– Он и здесь побывал.

Переведя это, Калиани хихикнула:

– О, вы молодец, мистер Стив.

– Неужели? – спросил я как бы невзначай.

– Ага, – ответил Мойша. – Скорее всего, тот же самый парень. Он был тут... ммм, дня два назад. Постоянно ругался на всех, кто его толкал, пытался дать мне взятку, чтобы я их прогнал и освободил ему пространство. Самое странное, когда он начал снимать, то даже не обращал внимания, что кто-то загоразивает ему вид. И он сделал снимки всего храма, даже снаружи, даже с самых дурацких ракурсов!

– Полный псих, да?

– Ага, – смеясь, согласился охранник. – Постоянно вижу подобных типов. Огромные модные фотоаппараты за бешеные деньги, и никакого понятия в фотографии. Тот парень, он даже не понимал, когда нужно выключать вспышку, представляете? Использовал ее для всех снимков, даже снаружи, под солнцем, и даже на вон том полностью освещенном алтаре!

Я рассмеялся.

– Серьезно! – воскликнул он. – Ох уж эти американцы! – Тут он замялся. – Ой, эмм... только не обижайтесь.

– Да все нормально, – ответил я, повторяя слова Калиани. – Я из Индии.

Он замялся, затем удивленно приподнял бровь.

– Ой! – воскликнула Калиани. – Простите, мистер Стив! Я не подумала.

– Ничего страшного.

Охранник засмеялся:

– Ваш иврит хорош, но не думаю, что вы сказали то, что хотели!

Я тоже рассмеялся и, заметив направляющуюся к нам женщину, которая махала ему рукой, поблагодарил его за беседу и отправился осматривать храм. В конце концов меня нашли Моника и ее громилы, один из них убирал в карман фото Разона.

– Здесь его никто не видел, Лидс, – сказала она. – Это тупик.

– Неужели? – выразил я сомнение, направляясь к выходу.

К нам присоединился Тобиас. Руки, как обычно, сомкнуты за спиной.

– Удивительная штука, Стивен, – сообщил он, кивая на вооруженную охрану у входа. – Иерусалим – город, название которого буквально означает «мир». Он наполнен островками безмятежности вроде этого, который является свидетелем поклонения людей дольше, чем существует большинство стран. Однако насилие здесь творится буквально в нескольких шагах.

Насилие...

– Моника, – сказал я хмуро, – вы говорили, что прежде чем прийти ко мне, вы пытались искать Разона сами. А вы проверяли рейсы из Америки?

– Да, – ответила она. – У нас есть люди в Хоумленд Секьюрити. Никто под именем Разона из страны не вылетал, но состряпать поддельные документы не так уж трудно.

– По поддельному паспорту можно попасть в Израиль? В одну из самых защищенных стран мира?

Она нахмурилась:

– Об этом я не подумала.

– Это довольно рискованно, – подметил я.

– Ну, Лидс! А раньше об этом подумать нельзя было? Теперь вы говорите, что его здесь нет? Мы потратили...

– Да здесь он, – сказал я рассеяно. – Я нашел охранника, который говорил с ним. Разон сделал здесь множество снимков.

– Никто из опрошенных его тут не видел.

– Охрана и служители ежедневно видят тысячи людей, Моника. Нельзя просто показать им фото и ждать, что они вспомнят. Нужно сконцентрировать их внимание на чем-то запоминающемся.

– Но...

– Помолчите минуточку, – сказал я, подняв руку. – Маленький неприметный инженер с чрезвычайно ценным оборудованием проник в страну по поддельному паспорту. У него дома остался пистолет, которым он ни разу не воспользовался. Откуда он у него?

Идиот.

– Вы можете узнать, где Разон взял пистолет? – спросил я. – Закон об оружии позволяет его отследить, так?

– Конечно. Я узнаю, как только мы вернемся в отель.

– Узнайте сейчас.

– Сейчас? Вы понимаете, который час в...

– Все равно узнайте. Разбудите людей. Нам нужны ответы.

Она свирепо посмотрела на меня, но отошла в сторону и сделала несколько телефонных звонков. Затем последовал раздраженный разговор.

– Нам надо было раньше об этом подумать, – сказал Тобиас, покачив головой.

– Я знаю.

Наконец, громко закрывая телефон, Моника подошла к нам.

– Нет никаких записей о том, что Разон когда-либо приобретал оружие. Пистолет, найденный в его квартире, нигде не зарегистрирован.

У него был помощник. Конечно, у него был помощник. Разон планировал это много лет, он сделал все эти фотографии, чтобы доказать, что он на правильном пути.

Он нашел кого-то, кто его обеспечивал. Поддерживал. Кого-то, кто достал для него этот пистолет и фальшивые документы. Ему помогли попасть в Израиль.

С кем он сблизился? Кто ему помогал?

– Айви, – сказал я. – Нам нужно... – я умолк. – Где Айви?

– Не знаю, – отозвался Тобиас. Калиани пожала плечами.

– Вы потеряли одну из своих галлюцинаций? – спросила Моника.

– Да.

– Ну, так призовите ее обратно.

– Это так не работает, – сказал я и, вертя головой, стал проталкиваться через толпу. Заработав от священников несколько подозрительных взглядов, я наконец заглянул в один из укромных уголков и остановился.

Джей Си и Айви торопливо прервали поцелуй. Ее макияж был в беспорядке, и, невероятно, Джей Си убрал свой пистолет, совершенно забыв о нем. Такое было впервые.

– О, вы меня разыгрываете, – вымолвил я, закрывая лицо рукой. – Вы двое, что вы здесь делаете?

– Я не знала, что мы должны отчитываться перед тобой о характере наших отношений, – холодно ответила Айви.

Джей Си поднял большой палец и улыбнулся.

– Как вам угодно, – сказал я. – Нужно идти. Айви, я не думаю, что Разон работал в одиночку. Он приехал в страну по поддельному паспорту, и другие моменты тоже не складываются. Могла у него здесь быть какая-то поддержка? Может, какая-то местная организация помогла ему не вызывая подозрений пробраться в город?

– Возможно, – ответила она, наспех приводя себя в порядок. – Я хотела обратить твое внимание, что вполне возможно он работает один, но по здравому размышлению, это мало вероятно. Ты сам додумался? Хорошая работа!

– Спасибо. И у тебя волосы в беспорядке.

Наконец мы дошли до машин и заняли места. Я сел с Моникой, Айви и Джей Си, а остальные аспекты и эти двое в костюмах загрузились в другую машину.

– Вы попали прямо в точку, – сказала Моника, когда машины тронулись.

– Разон – умный человек, – произнес я. – Ему нужны были союзники. Это могла быть другая компания, возможно, израильская. Кто-то из ваших конкурентов знал об этой технологии?

– Нет, или, по крайней мере, нам об этом ничего не известно.

– Стив, – сказала сидевшая между нами Айви. Она уже убрала помаду и привела в порядок волосы, пытаясь демонстративно игнорировать тот факт, что я стал свидетелем их с Джей Си сцены.

«Черт», – думал я. – «Я ведь считал, что они ненавидят друг друга. Обдумую это позже». – А вслух лишь спокойно сказал:

– Да?

– Спроси для меня Монику кое о чем. Разон когда-нибудь заводил в ее компании разговор о подобной идее? О том, чтобы сделать фотографии, доказывающие христианство?

Я передал вопрос.

– Нет, – ответила Моника. – Если бы такое случилось, я бы вам рассказала и мы быстрее бы оказались здесь. Он к нам не обращался.

– Очень странно, – сказала Айви. – Чем больше мы углубляемся в эту тему, тем больше понимаем, какой невероятно длинный путь проделал Разон, чтобы попасть сюда, в Иерусалим. Почему было не использовать ресурсы, которыми он уже располагал? Предоставленные лабораториями Азари.

– Может, он хочет свободы? – предположил я. – Хочет использовать собственное изобретение по своему усмотрению?

– В этом случае, – сказала Айви, – он бы не обратился к конкурирующей компании, как ты предположил. Это бы поставило его в такое же зависимое положение. Подтолкни Монику. Она выглядит так, будто о чем-то задумалась.

– Что? – спросил я Монику. – Хотите что-то добавить?

– Ну, – ответила Моника, – когда мы выяснили, что камера работает, Разон предложил некоторые проекты, которые он хотел бы попытаться реализовать. Раскрыть тайну убийства Кеннеди, разоблачить или подтвердить видео о снежном человеке Паттерсона-Гимлина и тому подобное.

– А вы их закрыли, – предположил я.

– Не знаю, насколько глубоко вы представляете возможности этого устройства, Мистер Лидс, – сказала Моника. – Ваши вопросы в самолете показывают, что, по крайней мере, вы начали над этим задумываться. Хорошо, допустим, оно у нас есть. Но это нас и пугает. Эта вещь может изменить мир. Это гораздо больше, чем просто разоблачить тайну. Это означает конец частной жизни, какой мы знаем ее сейчас. Если кто-то получит доступ к месту, где вы когда-либо находились в обнаженном виде, то сможет сделать фото, на котором вы голый. Представьте, какие возможности открываются перед папарацци. Вся система правосудия перевернется вверх дном. Не будет больше ни присяжных, ни судей, ни адвокатов или судов. Законникам достаточно будет просто пойти на место преступления и сделать снимок. Если вы подозреваемый, и нуждаетесь в алиби – они смогут доказать, действительно ли вы были там, где утверждаете.

Она с загнанным видом покачала головой.

– А история? Национальная безопасность? Сохранять конфиденциальность станет гораздо тяжелее. Государствам придется закрыть сайты, на которых хотя бы раз была размещена важная информация. Нельзя будет ничего записывать. Курьер идет по улице с секретными документами? А завтра вы встаете на то же место и фотографируете конверт изнутри. Мы это проверили. Представьте, какая это мощь. А теперь представьте, что такое фото сможет сделать каждый.

– Черт, – прошептала Айви.

– Так что нет, – сказала Моника. – Мы не позволили бы мистеру Разону сделать фотографии, доказывающие или опровергающие христианство. Не так

сразу. Не ранее, чем этот вопрос был бы тщательно и всесторонне обсужден. Я думаю, он понимал это. И это объясняет, почему он сбежал.

– Но это не помешало вам изготовить для меня наживку, с помощью которой вы планировали втравить меня в это дело, – подметил я. – Думаю, если вы проделали это со мной, так же вы поступили и с другими важными людьми. Вы стягивали ресурсы, нарабатывали стратегические связи, не так ли? Привлекли кого-то из мировых богачей или элиты? Чтобы они помогли вам оседлать эту волну, если технология увидит свет?

Она вытянула губы в линию и не мигая уставилась вперед.

– Возможно, Разон эгоистичен, – сказал я. – Вы не захотели помочь ему донести до человечества истину, и при этом собирали материал для компромата? Даже для шантажа.

– У меня нет права продолжать этот разговор, – вымолвила Моника.

Айви фыркнула:

– Хорошо, нам известно, почему он ушел. Я не думаю, что он отправился к конкурентам, но куда-то ведь он ушел. Правительство Израиля, может быть? Или...

Все потемнело.

Я очнулся. Все тело затекло. В глазах стоял туман.

– Взрыв, – подсказал Джей Си. Он присел рядом. Я был... Я был к чему-то привязан. К стулу. Руки связаны за спиной.

– Спокойней, дохляк, – сказал Джей Си. – Спокойно. Они взорвали автомобиль впереди нас. Мы вильнули. Врезались в здание у дороги. Помнишь?

Я с трудом мог вспомнить. Смутно.

– Моника? – прохрипел я, осматриваясь.

Она была привязана к соседнему стулу. Калиани, Айви и Тобиас тоже связаны, рты заткнуты кляпами. Охранников Моника не было.

– Мне удалось выползти из-под обломков, – сообщил Джей Си. – Но тебя я не смог вытащить.

– Понимаю, – сказал я. Лучше не напоминать Джей Си, что он всего лишь галлюцинация. Уверен, что глубоко в душе он знал, кто он есть на самом деле. Просто не хотел этого признавать.

– Слушай, – сказал Джей Си. – Ситуация паршивая, но если не будешь терять голову, то выберешься живым. Понял, солдат?

– Да.

– Повтори!

– Да, – повторил я, тихо, но настойчиво.

– Молодец, – похвалил Джей Си. – Я развяжу остальных. – и он отошел, освобождая остальных аспектов.

– Что ... – простонала Моника, качая головой.

– Думаю, мы сильно просчитались, – сказал я. – Извини.

Я удивился, как спокойно это прозвучало, учитывая то, в каком я был ужасе. В душе я ученый, по крайней мере, большинство из моих аспектов. Я плохо переношу насилие.

– Что ты видишь? – спросил я. На этот раз мой голос дрожал.

– Маленькая комната, – сказала Айви, потирая запястье. – Без окон. Слышу шум водопровода и слабые звуки автомобилей снаружи. Мы по-прежнему в городе.

– Ты нас приводишь в такие замечательные места, Стивен, – сказал Тобиас, благодарно кивая Джей Си, который помог ему встать на ноги. Тобиас казался постаревшим на годы.

– Я слышу арабский язык, – сообщила Калиани, – и запах специй. Заатар, шафран, куркума, сумах... Мы наверное недалеко от ресторана.

– Да, – подтвердил Тобиас с закрытыми глазами. – Футбольный стадион вдалеке. Проходящий поезд. Замедляется. Останавливается... Машины, разговоры людей. Торговый центр? – Он резко открыл глаза. – Железнодорожная станция Малха. В городе это единственная станция рядом с футбольным стадионом. Оживленный район. Криками можно привлечь внимание.

– Внимание убийц, – сказал Джей Си. – Веревки крепкие, дохляк. И у Моники тоже.

– Что происходит? – спросила Моника. – Что случилось?

– Снимки, – ответила Айви.

Я посмотрел на нее.

– Моника и ее болваны показывали у церкви фотографии Разона, – сказала Айви. – Наверняка у каждого встречного спрашивали, не видел ли его кто-нибудь. А если этот встречный работал на кого-то...

Я застонал. Ну конечно. Дружки Разона должны были наблюдать, не охотится ли кто-нибудь за ним. Моника сделала из нас отличную мишень.

– Хорошо, – сказал я. – Джей Си, ты должен вытащить нас отсюда. Что нужно...

Дверь открылась.

Я резко обернулся к нашим похитителям. И увидел совсем не то, что ожидал. Вместо каких-нибудь исламских террористов перед нами стояла группа филиппинцев в костюмах.

– А... – промычал Тобиас.

– Мистер Лидс, – с явным акцентом сказал мужчина во главе группы, порывшись в папке с бумагами. – Согласно отчетам, вы очень интересный и очень... разумный человек. Мы просим извинить нас за такое обращение и хотели бы предложить вам более комфортные условия.

– Чувствую, будет сделка, – предупредила Айви.

– Меня зовут Салик, – сообщил мужчина. – Я представляю определенную группу, интересы которой могут совпадать с вашими. Вы когда-либо слышали о НОФМ, мистер Лидс?

– Национально-освободительный Фронт Моро¹⁴, – подсказал Тобиас. – Это революционная организация Филиппин, которая планирует раскол и создание собственного государства.

¹⁴ Национально-освободительный фронт моро – Moro National Liberation Front, сокр. MNLF – реально существующая политическая организация и партия на юге Филиппин. В настоящее время это правящая партия Автономного региона в Мусульманском Минданао. В 1970-х MNLF был партизанским движением, борющимся за независимость или автономию мусульманских провинций. В 1976 г. филиппинские власти согласилось предоставить мусульманам Минданао региональную автономию. В 1981 г. консервативные элементы MNLF вышли из организации и создали Исламский освободительный фронт моро (MILF), который до сих пор занимается террористической деятельностью.

– Слышал, – произнес я.

– Хорошо, – сказал Салик. – У меня есть предложение. Устройство, которое вы ищете, находится у нас, но при его использовании возникли некоторые трудности. Во сколько обойдется ваша помощь?

– Один миллион долларов, – ответил я не раздумывая.

– Предатель, – выплюнула Моника.

– Ты даже не платишь мне, Моника, – сказал я с издевкой. – И не можешь винить меня за то, что я выбираю более выгодную сделку.

Салик улыбнулся. Он полностью поверил, что я предал Моника. Иногда очень полезно иметь репутацию отшельника и к тому же аморальной сволочи.

Дело в том, что по сути отшельник я только частично. И, надо признать, возможно, частично сволочь. Когда ты представляешь собой такую смесь, люди как правило считают, что морали у тебя быть не должно.

– НОФМ – военная организация, – продолжал Тобиас. – В общем-то, они ребята достаточно мирные, поэтому все происходящее несколько удивительно. Их принципиальные разногласия с филиппинским правительством касаются религии.

– А разве не всегда так? – проворчал Джей Си, инспектируя оружие прибывших. – Этот парень хорошо укомплектован, – сказал он, кивая на лидера. – Полагаю, остальные не хуже.

– Точно, – подтвердил Тобиас. – Думаю НОФМ – это филиппинская версия ИРА, или палестинского Хамаса. Последнее сравнение даже более подходит, потому что НОФМ часто рассматривают как исламскую организацию. Большинство филиппинцев – католики, но в регионе Бангасаморо, где действует НОФМ, преобладают мусульмане.

– Развяжите его, – скомандовал Салик, указывая на меня.

Один из его людей бросился выполнять.

– Он где-то лжет, – сказала Айви.

– Да, – подтвердил Тобиас. – Я думаю... Да, он не из НОФМ. Возможно, просто пытается переложить на них ответственность. Стивен, НОФМ категорически против того, чтобы подвергать опасности гражданских. Это очень бросается в глаза, когда читаешь о них. Они борцы за свободу, но со строгим уставом, в котором четко определено, кому можно наносить вред. Недавно они объявили о мирном расколе в своей организации.

– Что не добавит им популярности среди последователей, – подметил я.

– Это отколовшаяся группировка?

– Что это было? – спросил Салик.

– Ничего, – произнес я, вставая и потирая запястья. – Спасибо. Я бы хотел посмотреть устройство.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Салик.

– Ублюдок, – крикнула Моника мне вслед.

– Следи за языком! – сказала Айви, поджав губы. Она с остальными аспектами вышла за мной, и охрана закрыла дверь, оставив Моника в комнате одну.

– Да... – сказал Тобиас, шагая за мужчинами, сопровождавшими меня по лестнице. – Стивен, я думаю это группировка Абу Сайаф. Во главе с Кадафи Джанаджалани, они отделились от НОФМ, потому что те не хотели действовать радикальными методами. Джанаджалани недавно умер, и будущее движения сейчас неопределенно, но его целью было создание в регионе чисто исламского

государства. Кадафи считал, что убийство любого, кто будет ему противостоять... – это лучший способ добиться цели.

– Звучит как «Победа или смерть!», – отметил Джей Си. – Точно, дохляк. Вот что нужно сделать. Пни парня позади себя, когда он будет делать очередной шаг. Он упадет на чувака, который идет сзади него, и ты сможешь схватить Салика. Разверни его так, чтобы закрыться от выстрелов сзади, вытащи пушку из его пиджака и пали сквозь его тело в мужиков внизу.

Айви выглядела так, словно ей стало дурно:

– Это ужасно!

– Ты же не думаешь, что он нас отпустит, верно? – поинтересовался Джей Си.

– Эта организация – Абу Сайаф, – любезно продолжил Тобиас, – виновница многочисленных убийств, терактов и похищений на Филиппинах. Она также очень жестока с местными, действует скорее как организованная криминальная семья, чем как истинная организация революционеров.

– Итак... твой ответ – нет? – уточнил Джей Си.

Мы дошли до первого этажа, и Салик завел нас в боковую комнату. Здесь было еще двое мужчин в военной экипировке, с гранатами на поясах и штурмовыми винтовками в руках.

На столе между ними лежала среднего размера камера. Она выглядела... обычной.

– Мне нужен Разон, – сказал я, садясь. – Задать пару вопросов.

Салик фыркнул:

– Он не станет с вами говорить, мистер Лидс. Можете нам в этом поверить.

– Так он не с ними? – удивился Джей Си. – Не понял!

– Все равно приведите его, – сказал я и стал осторожно ощупывать камеру.

По правде говоря, я понятия не имел, что делаю. Ну почему, ПОЧЕМУ я не взял с собой Айвенса? Я должен был предусмотреть, что в этом путешествии мне понадобится механик.

Правда, если я беру слишком много аспектов и держу их при себе всех одновременно, случаются неприятности. Но сейчас это несущественно. Айвенс далеко, на другом континенте.

– У кого-нибудь есть идеи? – пробормотал я себе под нос.

– Не смотри на меня, – сказала Айви. – У меня пульт дистанционного управления и тот через раз работает.

– Режь красный провод, – объявил Джей Си. – Это всегда красный провод.

Я хмуро посмотрел на него, затем, пытаюсь сделать вид, будто знаю, что делаю. открутил часть камеры. Руки дрожали.

К счастью, Салик послал кого-то за Разоном. После чего стал внимательно наблюдать за мной. Наверняка он читал об инциденте в Лонгвее, где для того, чтобы предотвратить взрыв, мне пришлось за короткое время разобрать, исправить и снова собрать сложную компьютерную систему. Но это все был Айвенс, не без помощи Чин, нашего местного компьютерного эксперта.

В таких вопросах без них я полный ноль. Но, дожидаясь пока солдаты не приведут Разона, я изо всех сил пытался продемонстрировать обратное. Я узнал его по фотографиям, которые мне показывала Моника. С трудом. Он шел,

спотыкаясь и хромая, разбитые губы были в крови, левый глаз опух. Когда он сел на стул рядом со мной, я увидел, что он лишился руки. Обрубок был обернут пропитанной кровью тряпкой.

Он закашлялся.

– Ах. Полагаю, вы мистер Лидс, – произнес он с легким филиппинским акцентом. – Мне ужасно жаль видеть вас здесь.

– Осторожнее, – сказала Айви, изучая Разона. Для этого она придвинулась вплотную к нему. – Они следят. Не будь слишком дружелюбным.

– О-о, мне это совсем не нравится, – пожаловалась Калиани и перелезла через несколько стоящих в конце комнаты ящиков, забираясь в укрытие. – И часто с вами такое происходит, мистер Стив? Потому что я для этого как-то не очень хорошо подхожу.

– Вам жаль видеть меня здесь? – спросил я Разона, придавая голосу резкости. – Сожалеете, но не удивлены. Вы же сами помогали Монике и ее друзьям собирать на меня компромат.

Его здоровый глаз чуть расширился. Он знал, что это был не компромат. Или, по крайней мере, я надеялся, что он должен был знать. Понял ли он? Догадался ли, что я здесь, чтобы помочь ему?

– Я сделал это... по принуждению, – сказал он.

– Для меня ты все равно ублюдок, – выдохнул я.

– Следи за языком! – сказала Айви, уперев руки в бока.

– Ха, – продолжил я, обращаясь к Разону. – Но это к делу не относится. Покажи, как заставить эту штуку работать.

– Не покажу! – запротестовал он.

– Покажешь, или... – И я повернул винт, мозг яростно работал. Как подойти к нему поближе, чтобы тихо поговорить, но при этом не вызвать подозрений?

– Осторожно, идиот, – выкрикнул Разон, соскакивая со стула.

Один из солдат направил на нас ствол.

– Безопасность на уровне, – сказал Джей Си. – Беспокоиться не о чем. Пока.

– Это очень чувствительная часть оборудования, – сообщил Разон, принимая от меня отвертку. – Поаккуратней, пожалуйста. – И здоровой рукой стал затягивать винт. Затем очень тихо продолжил:

– Ты здесь с Моникой?

– Да.

– Ей нельзя доверять, – сказал он, но помедлив добавил. – Правда, она никогда меня не избивала и не отрезала руку. Поэтому, наверное, не мне судить, на кого можно полагаться, а на кого – нет.

– Как они вас схватили? – прошептал я.

– Я похвастался маме, – ответил он. – А она рассказала всей семье. Так я и оказался у этих монстров. У них есть связи в Израиле.

Он пошатнулся, и я подхватил его, поддерживая. Он был бледен и выглядел совсем плохо.

– Они послали за мной, – проговорил он, через силу продолжая крутить. – Объявили себя христианскими фундаменталистами из моей страны, жаждущими сделать вклад в мою разработку, чтобы выяснить истину. Я узнал правду только два дня назад. Это...

Когда Салик подошел ближе, он осекся и уронил отвертку. Террорист махнул рукой, и один из солдат схватил Разона и резко дернул за окровавленную руку. Разон закричал от боли.

Солдаты повалили его на пол и стали избивать прикладами. Я в ужасе смотрел, а Калиани начала плакать. Даже Джей Си отвернулся.

– Я не монстр, мистер Лидс, – сказал Салик, присев на корточки рядом с моим стулом. – У меня просто недостаточно средств. И однажды вы убедитесь, что в большинстве случаев человек монстр и человек без средств – это практически одно и то же.

– Пожалуйста, остановите солдат, – прошептал я.

– Понимаешь, я как раз пытаюсь найти мирное решение, – сказал Салик. Избиение продолжалось. – Моих людей осуждают, когда мы пользуемся теми методами борьбы, которые имеем – отчаянными методами. Это методы всех революционеров, в том числе и отцов-основателей вашей страны, и они их использовали, чтобы достичь свободы. Мы будем убивать, если придется, но, возможно, такой необходимости не возникнет. Здесь, на этом столе у нас – мир, мистер Лидс. Почини аппарат, и ты спасешь тысячи и тысячи жизней.

– Зачем вам эта камера? – спросил я нахмурившись. – Что она для вас? Орудие шантажа?

– Орудие, чтобы исправить мир, – изрек Салик. – Нам просто нужно несколько фотографий. Доказательство.

– Доказательство того, что христианство – обман, Стивен, – сказал Тобиас, подходя ко мне сзади. – Доказать это будет тяжело, потому что ислам признает Иисуса из Назарета как пророка. Но отвергает его воскрешение и многочисленные чудеса, приписываемые его последователям. Имея подходящие фотографии, они смогут попытаться подорвать католицизм – религию, которую исповедует большинство филиппинцев, и таким образом дестабилизировать регион.

Странно, но я ощутил соблазн согласиться. Нет, не соблазн помочь такому монстру, как Салик. Но я понимал его позицию. Почему бы не взять эту камеру и не доказать, что все религии фальшивы?

Это приведет к хаосу. А в некоторых регионах мира, возможно, и к множеству смертей

Так ли?

– Веру не так просто разрушить, – сказала Айви презрительно. – Это не вызовет тех проблем, о которых думает Салик.

– Потому что вера слепа? – спросил Тобиас. – Возможно, ты права. Многие продолжают верить, невзирая на факты.

– Какие факты? – ответила Айви. – Несколько фотографий сомнительной достоверности? Сделанные наукой, которую никто не понимает?

– Ты уже пытаешься защищать то, что еще не отвергается, – спокойно сказал Тобиас. – Ты словно уже знаешь, что произойдет. Что нужно будет защищаться от доказательств, которые только возможно будут найдены. Айви, разве ты не видишь? Какие факты нужны, чтобы заставить тебя смотреть на вещи рационально? Как ты можешь быть логичной в стольких областях и такой слепой в одной?

– Тихо! – крикнул я им, сжав руками голову. – Тихо!

Салик неодобрительно на меня посмотрел и только сейчас заметил, что его солдаты сделали с Разоном.

Он что-то закричал на тагальском или, возможно, на другом филиппинском языке – может, мне следовало вместо иврита выучить их? Солдаты отступили, и Салик встал на колени, чтобы перевернуть упавшего Разона.

Разон резко сунул здоровую руку в куртку Салика и вытащил оттуда пистолет. Салик отпрянул, кто-то из солдат вскрикнул. Послышался одинокий тихий щелчок.

Все присутствующие застыли. Один из солдат в панике выхватил пистолет с глушителем и выстрелил в Разона. Ученый лежал на спине, уставившись мертвыми глазами в потолок. Пистолет Салика выскользнул из его руки.

– Бедняга, – всхлипнула Калиани, опускаясь на колени рядом с убитым.

В этот момент кто-то сзади напал на одного из стоящих у двери солдат и повалил его на пол.

Сразу началась стрельба. Я соскочил со стула, кинувшись к камере. Но Салик успел раньше, со стуком опустив руку на аппарат, а затем бросился к своему пистолету на полу.

Выругавшись, я метнулся в сторону, прячась за кучей ящиков, куда несколькими секундами ранее юркнула Калиани. Оружейный огонь сотрясал комнату. Один из ящиков рядом со мной выстрелами разнесло вдребезги.

– Это Моника! – крикнула Айви, укрывшись у стола. – Она выбралась и напала на них.

Я рискнул высунуться, чтобы оглядеться, и увидел, как один из солдат в форме Абу Сайафа, сраженный выстрелом, упал в центре комнаты рядом с телом Разона. Остальные палили в Моника, которая укрылась на лестнице, ведущей вниз, к месту, где нас держали связанными.

– Черт возьми! – выругался Джей Си, присев рядом со мной. – Она выбралась самостоятельно. Мне начинает нравиться эта женщина!

Салик что-то кричал на тагальском. Он не побежал за мной, а укрылся рядом с охранниками. Вцепившись в камеру и прижимая ее к себе, он присоединился к двум другим солдатам, прибежавшим по лестнице откуда-то сверху.

Я подумал, что, стрельба скоро привлечет внимание. Но не так скоро, как хотелось бы. Они прижали Моника. Я едва мог ее видеть. Она укрылась в лестничном пролете, пытаясь найти путь к выходу и отстреливаясь из отнятого у поверженного охранника оружия. Из дверного проема рядом с ней торчали его ноги.

– Хорошо, дохляк, – сказал Джей Си. – Это твой шанс. Нужно кое-что сделать. Они достанут ее до того как придет помощь, и мы потеряем камеру. Пришло время геройских подвигов.

– Я...

– Ты можешь бежать, Стивен, – сообщил Тобиас. – Прямо за нами есть комната. Там должны быть окна. Я не говорю, что ты должен это сделать, просто предлагаю варианты.

Калиани, забившись в угол, хныкала. Айви лежала под столом, заткнув уши пальцами, и внимательно наблюдала за перестрелкой, отслеживая ситуацию.

Моника пыталась отстреливаться, высовываясь из укрытия, но рядом с ней в стену впились пули, вынуждая ее отступить. Салик продолжал что-то кричать. Солдаты открыли по мне огонь, заставив вернуться в укрытие.

Пули били в стену над моей головой, осыпая меня осколками кирпича. Я сделал глубокий вдох.

– Не могу, Джей Си!

– Можешь, – ответил он. – У них есть гранаты. Видел на ремнях у солдат? Если кто-то из них сообразит бросить одну в лестничный пролет – Монике конец. Она погибнет.

Нельзя допустить, чтобы камера досталась им – такая мощь в руках этих людей...

Моника закричала.

– Она ранена! – крикнула Айви.

Я выбрался из-за ящиков и бросился к убитому солдату, который лежал в центре комнаты. Рядом валялся его пистолет. Салик заметил, что я пытаюсь до него добраться, и прицелился в меня. Руки мои тряслись мелкой дрожью.

Ничего не получится! У меня не выйдет! Это невозможно.

Я сейчас умру.

– Не волнуйся, пацан, – сказал Джей Си, беря меня за запястье. – Я все сделаю сам.

Он повел мою руку в сторону, и я выстрелил почти не глядя. Затем он перевел ствол еще несколько раз, делая короткие паузы, чтобы я успевал нажать на спусковой крючок. За секунду все было кончено.

Все вооруженные люди были мертвы. В комнате повисла полная тишина. Джей Си отпустил мою руку, которая безвольно повисла, словно налитая свинцом.

– Мы сделали это? – спросил я, глядя на убитых.

– Черт, – сказала Айви, убрав руки от ушей. – Я знала, что все-таки есть смысл таскать тебя с собой, Джей Си.

– Следи за языком, Айви, – сказал он, улыбаясь.

Я бросил пистолет, вероятно, не самое умное, что я когда-либо делал, но, опять-таки, я не вполне соображал. Я метнулся к Разону. Пульса не было. Я закрыл ему глаза, но оставил улыбку на его губах.

Получилось так, как он и хотел. Он действительно предпочел умереть, чем под пытками выдать им свои секреты. Я вздохнул, затем, проверяя кое-какие догадки, сунул руку ему в карман.

Что-то укололо мне палец. Вынув руку, я увидел на ней кровь.

– Что за?..

Этого я не ожидал.

– Лидс? – услышал я голос Моника. Подняв голову, я увидел, что она стоит в дверях, придерживая окровавленную руку. – Это ты сделал?

– Это Джей Си, – ответил я.

– Твоя галлюцинация? Перестреляла этих людей?

– Да. Нет. Я...

Я не был уверен. Поднявшись, я подошел к Салику, застреленному точным попаданием в лоб, наклонился и подобрал камеру. Затем, стоя спиной к Монике, открутил одну деталь.

– Оу... Мистер Стив? – сказала Калиани, на что-то указывая. – По-моему вон тот еще жив. О боже!

Я глянул в ту сторону. Один из застреленных мною охранников перевернулся, что-то сжимая в окровавленной руке.

Граната.

– Бежим! – крикнул я Монике, хватая ее за руку и бросаясь вон из комнаты.

И тут меня накрыло взрывной волной.

Ровно месяц спустя я сидел в своем особняке и пил лимонад. Спина еще болела, но раны от осколков уже заживали. Все обошлось.

Гипс на руке Моника, похоже, не очень ее беспокоил. Она сидела с чашкой на том же месте, что и в день нашего первого знакомства.

Сегодняшнее ее предложение было неожиданным.

– Боюсь, – сказал я, – вы обратились не к тому человеку. Я вынужден отказаться.

– Понимаю, – ответила Моника.

– А она неплохо скрывает свое раздражение, – изрек Джи Си, прислонившись к стене. – Уже получается лучше.

– Если вы посмотрите на камеру... – сказала Моника.

– Когда я видел ее в последний раз, она была разбита как минимум на шестнадцать частей, – заметил я. – С ней уже ничего не сделаешь.

Она посмотрела на меня прищурившись. Моника все еще подозревала, что во время взрыва я намеренно уронил камеру. Ситуацию усложняло еще и то, что в последующем за взрывом пожаре, охватившем здание, тело Разона обгорело до неузнаваемости. Огонь уничтожил все, что при нем было – все секреты, которые могли объяснить, как на самом деле работает камера.

– Признаюсь, – продолжил я, подавшись вперед, – меня как-то совсем не жаль узнать, что вы не можете ее починить. Я не уверен, что мир готов принять информацию, которую она может открыть. «Или, по крайней мере, я не уверен, что мир готов к тому, что эту информацию будут контролировать люди, подобные вам».

– Но...

– Моника, я не знаю, что я могу сделать такого, чего не могут ваши инженеры. Давайте просто признаем факт, что со смертью Разона его технология утеряна. Если только его работа не была мистификацией. Честно говоря, я все более склоняюсь к мысли, что это именно тот случай. Разона пытали так усердно, что простой ученый не смог бы вынести подобного и не выдать террористам все, что они хотели. Он ничего им не открыл, потому что просто не мог. Потому что все это было обманом.

Она вздохнула и встала:

– Вы отказываетесь от могущества, мистер Лидс.

– Моя дорогая, – ответил я, тоже поднимаясь. – вам ли не знать, что я им уже обладал. И променял его на заурядность и немного здравого смысла.

– Думаю, вам следует вернуть свое могущество, – ответила она. – Потому что я не уверена, что нахожу в вас упомянутые качества, – она достала что-то из кармана и бросила на стол. Большой конверт.

– И что это? – спросил я, принимая его.

– В камере мы обнаружили пленку, – сообщила она в ответ. – Восстановить удалось только один кадр.

Я на мгновение замер, затем вынул фотографию из конверта. Черно-белая, как и остальные. На ней бородатый человек в хитоне сидел на чем-то, чего не было видно. Лицо его было поразительно. Не сам его облик, а то, что он

смотрел прямо в объектив. В объектив камеры, которой там не должно было быть еще две тысячи лет.

– Мы считаем, что на фотографии Вход Господень в Иерусалим, – продолжила она. – По крайней мере, на заднем плане что-то похожее на Золотые Врата. Точнее сказать сложно.

– Боже мой, – прошептала Айви, подходя ко мне.

Эти глаза... Я всматривался в снимок. Эти глаза!

– Эй, я думал, мы не поминаем имя Господа всуе, – окликнул Айви Джей Си.

– Я и не поминаю, – промолвила она, благоговейно прикасаясь к фотографии. – Я просто констатирую факт. На фотографии – Он!

– Этот снимок, к сожалению, совершенно бесполезен, – сказала Моника. – Нет никакого способа доказать кто на фотографии. Даже если бы нам это удалось, это никоим образом не может ни доказать, ни разоблачить христианство. Фотография сделана до того, как Его убили. Из всех снимков, которые сделал Разон... – она покачала головой.

– Это не меняет моего мнение, – ответил я, пряча фотографию обратно в конверт.

– Я и не думала, что изменит, – проговорила Моника. – Считайте это платой.

– Я не так много сделал.

– Как и мы для вас, – промолвила она, выходя из комнаты. – Доброго вам вечера, мистер Лидс.

Я погладил конверт, слушая, как Уилсон провожает Моника и закрывает дверь. Оставив Айви и Джей Си спорить, кто из них что поминает всуе, я направился к главному входу и поднялся по лестнице. Я брел по ней, держась за перила, пока не добрался до верхнего этажа.

Мой кабинет располагался в конце коридора. Разгоняя ночные тени, на столе горела одинокая лампа. Я подошел к столу и сел. Рядом, на одном из еще двух стульев, сидел Тобиас.

Я взял книгу – последнюю оставшуюся от большой стопки, – и начал листать. На стене передо мной висела фотография Сандры, та, где она на вокзале.

– Они догадались? – спросил Тобиас.

– Нет, – сказал я. – А ты?

– Камеры никогда не существовало, не так ли?

Я улыбнулся, переворачивая страницу:

– Я осмотрел его карманы сразу, как только он умер. Что-то укололо мне пальцы. Осколки стекла.

Тобиас нахмурился. Затем, после минутного раздумья, улыбнулся:

– Разбитые лампочки.

Я кивнул:

– Дело было не в камере, дело было во вспышке. Когда Разон делал фотографии церкви, он использовал вспышку даже на улице при солнечном свете. Даже когда предмет был хорошо освещен, даже когда пытался снять момент, который происходил днем, например, явление Иисуса из гроба после воскрешения. Это ошибка, которую не допустит хороший фотограф. А он был хорошим фотографом, судя по снимкам, висевшим в его квартире. У него был верный глаз на освещение.

Я перевернул страницу, затем полез в карман и, кое-что вынув оттуда, положил на стол. Съёмная вспышка, которую я отвинтил от камеры перед взрывом.

– Не уверен, в механизме вспышки дело или в самой лампе, но я знаю, что, когда он хотел, чтобы камера не работала, он менял в ней лампу.

– Превосходно, – сказал Тобиас.

– Посмотрим, – сказал я. – Эта вспышка не работает, я пробовал. Не знаю, что с ней. Ты не знаешь, почему камеры могли продолжать некоторое время работать у людей Моники? Думаю, многие вспышки, как, например, эта, используют одновременно несколько ламп. Подозреваю, что только одна из них создает при съёмке такой эффект времени. Специальные лампы перегорают быстро, может быть, после десяти вспышек.

Я перевернул несколько страниц.

– Ты меняешься, Стивен, – произнес наконец Тобиас. – Ты заметил это без Айви. Вообще без кого-либо из нас. Сколько еще времени пройдет, прежде чем ты перестанешь в нас нуждаться?

– Надеюсь, это не произойдет никогда, – ответил я. – Не хочу быть таким человеком.

– И все-таки ты ее ищешь.

– Все-таки ищу, – вздохнул я.

И приблизился еще на один шаг. Я узнал, на каком поезде она уехала. Билет выглядывал из кармана ее плаща. Мне с трудом удалось разобрать номер.

Она уехала в Нью-Йорк. Десять лет я охотился за этим ответом, который оказался лишь крошечной частью гораздо большей загадки. След был десятилетней давности, но это уже кое-что.

Впервые за многие годы в моих поисках появился хоть какой-то прогресс. Закрыв книгу, я откинулся в кресле и стал рассматривать фотографию Сандры. Она была прекрасна. Так прекрасна.

В темной комнате что-то зашуршало. Ни Тобиас, ни я даже не пошевелились, когда невысокий лысоватый мужчина сел на свободный стул у стола.

– Меня зовут Арно, – сказал он. – Я физик, специализирующийся на темпоральной механике, теории причинности и квантовой физике. Думаю, у вас найдется для меня работа?

Я убрал последнюю книгу в стопку прочитанных за прошлый месяц.

– Да, Арно, – ответил я. – Найдется.

Благодарности

Как всегда, огромная благодарность моей замечательной жене Эмили за то, что ей приходится мириться с порой совершенно эксцентричной жизнью профессионального писателя. Администратор этого проекта Питер Альстром проделал довольно много специфической работы. Другой человек, которого необходимо отметить, Моше Фидер, прочитал одну из самых ранних версий этой книги и с первых дней обсуждал со мной возможности и домыслы относительно этой повести. Мой агент, Джошуа Билмс, был потрясающим, как и всегда.

Другими первыми читателями стали Бриан Т. Хилл, Доменик Нолан, Кайлинн ЗоБелл, Бен Олсен, Даниэлла Олсен, Карен Альстром, Ден Веллс, Алан Лайтон и Итон Скарстедт.

Отдельное спасибо издательству «Subterranean Press» за предоставленное этой повести место в печати. Билл Шафер и Янни Кузняк были невероятными.

Я также очень рад, что у печатного издания великолепная обложка, выполненная Джоном Фостером, работа которого украсила и оригинальное издание «Рожденного туманом» в твердом переплете. Дизайн обложки для электронного издания выполнен Айзеком Стюартом. Спасибо!

Брендон Сандерсон